ЛБ19 409

СЛАВЬСЯ, ДОНБАСС!

ЭСТРАДНЫЙ СБОРНИК

искусство

1519/409

Славься, Донбасс!

СБОРНИК
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ЭСТРАДЫ

★

1945
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Искусство"
Москва — Ленинград

2-й эк.

Составлен Всесоюзным домом
народного творчества им. Н. К. Крупской

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

808434

Обложка художника
Б. Шварца

М. ИСАКОВСКИЙ

Слава Родине

Да здравствует долгие годы,
Да будет во все времена
Страна трудового народа,
Советская наша страна!

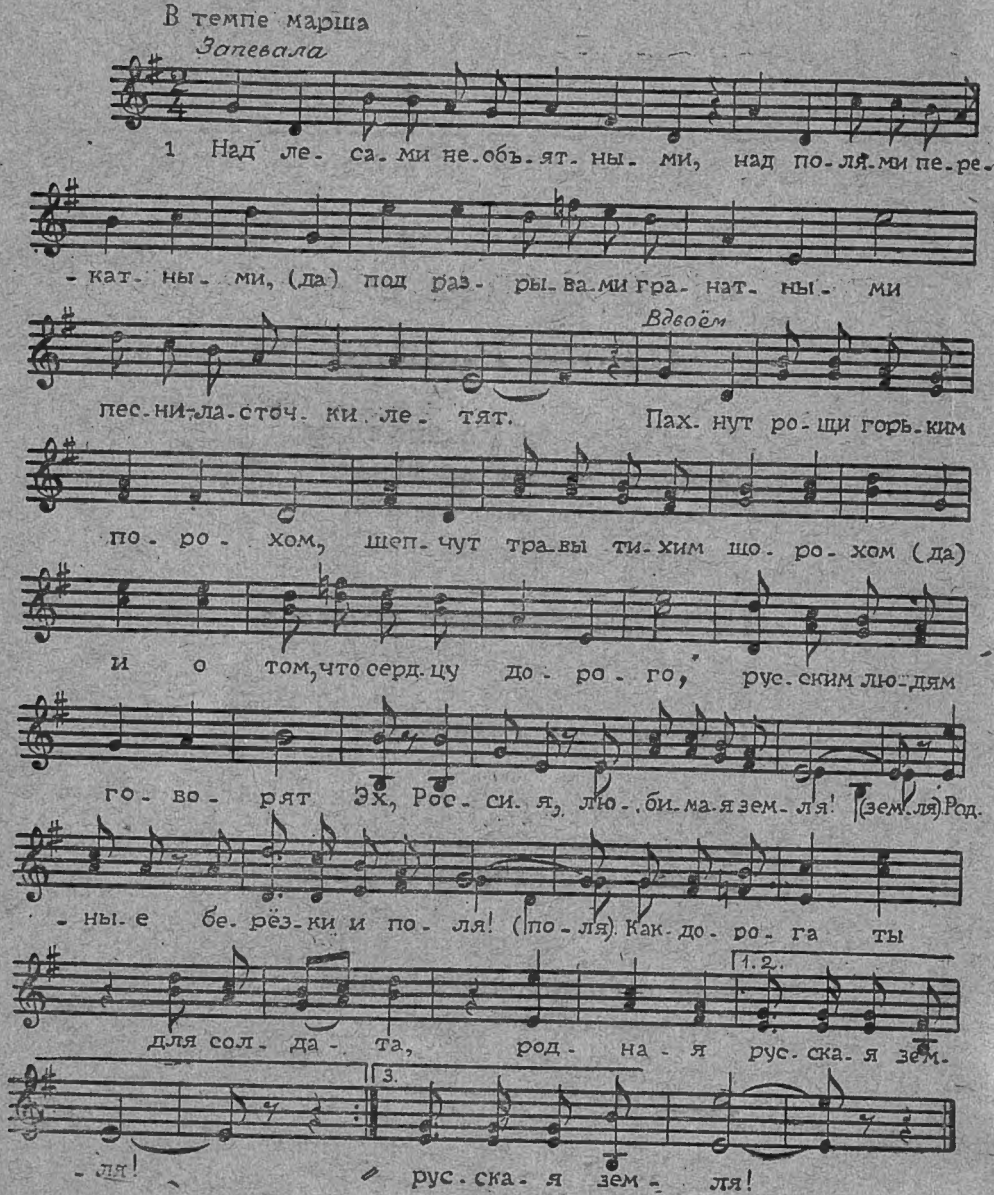
Из битвы с врагами кровавой
За землю, за волю, за власть
Всесильной свободной державой
Победно она поднялась.

Мы грудью ее отстояли,
Все помыслы отдали ей.
Согрел ее Ленин и Сталин
Великой любовью своей.

Над нею народы впервые
Увидели солнце свое.
Да здравствуют руки ее трудовые,
Да славится имя ее!

Россия

Слова Вас. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА Музыка Н. БОГОСЛОВСКОГО



1. Над лесами необъятными,
Над полями перекатными,
Под разрывами гранатными
Песни-ласточки летят.

Пахнут рощи горьким порохом,
Шепчут травы тихим шорохом
И о том, что сердцу дорого,
Русским людям говорят.

Припев:

Эх, Россия, любимая земля!
Родные березки и поля!
Как дорога ты для солдата,
Родная, русская земля!

2. Все, что дедами построено,
Все, что отцовской кровью вспоено,
Мы — твои сыны и воины —
Поклялися отстоять.

Много жизней потревожено,
Много верст в боях исхожено,
Много русских душ положено
За тебя, родная мать.

Припев.

3. Мы ведем войну священную,
Мы несем страду военную
За красу твою нетленную,
За сокровища твои.

Битвы кончатся кровавые,
Мы придем домой со славою,
И опять в леса кудрявые
Возвратятся соловьи.

Припев:

Эх, Россия, любимая земля!
Родные березки и поля!
Как дорога ты для солдата,
Родная, русская земля!

☆

ВЕРА ИНБЕР

Красной Армии

Казаха, белорусса, осетина,
Татарина, кубанца и донца
Ты закалила в пламени едином
И создала советского бойца.

Ты — меч страны, народная секира,
Благословляем мы твои ряды
От юного бойца до командира,
От звездочки до маршальской звезды.

Ты — наша. Мы с тобою рядом,
С любовию мы труд вложили свой
Во все: от дальнобойного снаряда
До ремешка на сумке полевой.

Нет армии, которая по силе
И мужеству сравнялась бы с тобой,

Не будь тебя — что было бы с Россией!
Что было б с человеческой судьбой!

В крови и мраке, под фашистским игом
Кошмаром бы прошел двадцатый век,
И о свободе разве что по книгам,
И то не каждый, знал бы человек.

Мы смотрим на тебя с благоговеньем
И с материнской гордостью своей,
Мы ощущаем каждое мгновенье
Непобедимость наших сыновей.

Они как будто ростом выше стали,
Как будто выросли в твоих рядах,
Они идут вперед. И слово «Сталин»
Звучит в освобожденных городах.

Бор. ПАЛИЙЧУК

Шаги победы

Начало битвы грянуло в июне.
Москва салютовала в нашу честь.
Мы поклялись Отчизне накануне
Свои знамена к Пруссии пронесть.

Когда «вперед» сказали полководцы,
Мы сердцем нашим чуяли с тобой:
Невиданная битва развернется,
И небывалый разгорится бой.

Мы шли по грудь в болоте белорусском,
Прокладывали жердевой большак.

И загремели пушки под Бобруйском.
И это был сраженья первый шаг.

В Бобруйске — слава первого удара,
И не забудут Родины сыны
Багровую от крови и пожара
Полночную волну Березины.

В июле — Минск. Тылы снимались с места,
Чтоб не отстать, солдата не подвесть.
Уже кубанцы Плиева у Бреста —
Неслась по фронту радостная весть.

Ловили жадно новости солдаты
Любых дивизий, батарей и рот,
Что наши танки вышли на Карпаты,
Что к морю вышел Прибалтийский фронт.

Бушуют в Польше боевые ветры.
С боями Люблин оставляет враг.
За сутки двадцать-тридцать километров,
Победа, это твой походный шаг.

Шагай, Победа! Прусская граница
Не сдержит танка русского разбег.
Дрожит Берлин, и Мюнхену не спится,
И слышит нашу поступь Кенигсберг.

Шагай, Победа! Все мечты и мысли —
Туда, где суд, расправа над врагом.
Нависли тучи дымные на Висле,
За Неманом — артиллерийский гром.

Скрежещет сталь, витает смерть над нами.
Но кто еще, врага в тиски зажав,

Шагал такими грозными шагами,
Войска каких народов и держав?

Шагай, Победа, рвись к Берлину с хода
И озаряй солдатские сердца!
Бессмертен подвиг нашего народа
И каждого в отдельности бойца.

И подвиг наш пройдет веков заставы,
Пройдет столетий строгие посты,
Как образец непревзойдённой славы
И человечьей вечной красоты.

Бессмертны наши марши и походы,
И эта пыль, и этот горький дым.
Бессмертен, кто дышал в такие годы
С Отечеством дыханием одним!

★

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Привет тебе, Донбасс!

Звучит вождя торжественный приказ,
Гремит салют, и сердце бьется жарко.
Привет тебе, наш боевой Донбасс!
Привет тебе, родная кочегарка!

Никто из нас забыть тебя не мог,
В Сибири, и в Москве, и на Урале
Родной донбасский жаркий уголек
Кузнец и оружейник вспоминали.

Донбасс, Донбасс! — Для всей родной земли
Так дорого, так близко это слово.
Его мы молча в сердце берегли
И, стиснув зубы, шли вперед сурово.

И вот ты наш. Привет тебе, родной!
Пусть ты врагами подло искалечен.
Не унывай, Донбасс! Тебя мы всей страной
Поправим, и подымем, и подлечим!

Отброшено немецкое зверье,
Палач проклятый больше не вернется.
И скоро сердце жаркое твое
Опять во славу Родины забьется.

Звучит вождя торжественный приказ,
Гремит салют столицы величавой...
Привет тебе, наш боевой Донбасс!
Солдатам русским — честь!
Героям нашим — слава!

☆

АНАТОЛИЙ КУДРЕЙКО

Встает Донбасс

В клубах дыма кровавые гребни
Над степями метались не раз,
Но встает из угля и из щебня
Наша гордость — великий Донбасс.

За Донцом громыхают составы...
Снова здесь боевая пора:
Сталь клокочет в мартенах, как лава,
Черный уголь идет на-гора́.

И поют по ночам, на рассвете,
От степей до тайги провода:
Дружбы не было крепче на свете,
Чем великая дружба труда.

★

ПАВЕЛ БЕСПОЩАДНЫЙ

Родному краю

Не отводя завороженных глаз,
Перед отцом склонив колено долу,
Я говорю: благослови, Донбасс,
На подвиг — труд и славный и тяжелый.

Пока в груди шахтерской сердце живо
И в сердце кровь сыновняя тепла,
Хочу, чтоб песня с обушком дружила,
Варила стали и стволы вела,

Клепала клети и вздымала зданья,
Месила глину, кирпичи несла
И на лесах святого созиданья
Примером мужества и доблести была;

Плела мосты, готовила бетоны,
Рубала уголь, брала города
И по костям насильников-тевтонов
Победные промчала поезда.

Великий Сталин вызволил из плена
Заветный клад — алмазное зерно...
Оно, как солнце, жарко и нетленно
И на века шахтерам отдано.

Живет Донбасс! Сирена шлет сирене
Горняцкой дружбы благовест стальной.
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано.

И нет земли прекрасней, вдохновенней,
Где все творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!

И нет отчизны чище и священней,
Где все сердца сливаются в одном...
И это сердце осеняет Ленин
И окрыляет Сталин наш родной!

★

БОРИС ГОРБАТОВ

Год спустя

Письмо товарищу

(Сокращено для эстрады)

Товарищ!

Два года ты гонишь немцев. Два года ты идешь по обугленной, растерзанной, разоренной земле. Ты видишь, как горят заводы, и никогда — как они дымят.

Что там делается, за твоей спиной, на освобожденной тобою земле, того ты не видишь. Ты уносишь с собой в новый бой запах гари и горя. И новый заряд ярости.

Когда три года видишь, как падают срубленные снарядами сосны, трудно поверить, что где-то из таких же сосен делают корабельные мачты.

Ты сказал мне как-то:

— Небось, в Донбассе все теперь бурьяном заросло...

— Нет. Почему же. Восстанавливают.

— Кто? — грустно усмехнулся ты.— Рабочие руки воюют. Или пушки на Урале льют. Нет, Донбасс — это послевоенное дело. Это нас ждет. Вот отвоюемся, придем на пепелище, будем строить...

— А хотелось бы в новый дом притти? — засмеялся я.

— Да уж, не грех солдату... Новый — не новый, а все-таки...

...Как и ты, я год не был в Донбассе. Как и ты, унес я тогда на запад, как рану, горькую память о мертвом доме.

А сейчас — не во сне, вправду — стою на донецкой земле, гляжу — не нагляжусь на родную степь, дышу — не надышусь ее дыханием.

И вместе с тягучими запахами клевера и гречишного меда, вместе с горькой полынью и терпким чебрецом приходит ко мне знакомый запах: запах победы.

Мы с тобой знаем, товарищ, как победа пахнет. Она пахнет... дымом. Пороховой дым — там, фабричный — здесь. Нет, ты понял меня, товарищ. В Донбассе снова пахнет коксом, углем и дымом.

Пусть не все еще гудки поют поутру в Донбассе, пусть не все трубы дымят, пусть разрушенного еще больше, чем вылеченного, но дымок вьется сегодня над каждым-каждым заводом, над каждой шахтою.

Снова по зеленым балочкам Горловки бродят, щиплют траву задумчивые козы — «крупный рогатый скот» шахтера. Снова в горячих цехах Макеевки пьют мастера подсоленную сельтерскую воду и крякают в усы: эх, жаль, не водка. Снова в Константиновке цепляются за бегущий трамвай мальчишки, и милиционер-девушка напрасно дует в свисток.

И маляры в розовый колер разделывают фасады домов на улице Артема в Сталино и протирают стекла до блеска. Стекла, целые стекла, товарищ, на улице, где — помнишь — не было ни одного целого дома.

А местные люди суетливо пробегают мимо и не удивляются: привыкли, да и недосуг.

Сейчас в Донбассе убирают урожай, товарищ. Урожай горячего, бессонного рабочего года. Только и слышишь вокруг себя: сегодня пускают шахту в Горловке, задувают печь в Енакиеве, дают первый «толчок» турбинам в Мариуполе и Макеевке...

Урожай. Богатый урожай.

Когда ходишь здесь по заводу — в Макеевке, например,— тебе рассказывают:

— Этот цех лежал на боку — мы его подняли. Эта домна перекосилась — мы ее выправили. Этого здания не было — вместо него была гора завала высотою в 30 метров.

Тот, кто не видел разрушенного Донбасса, не поймет и не поверит.

Мы с тобой видели.

И страшные горы завалов видели. И скособочившиеся цехи. И домны, из которых, как куски живого мяса, были вырваны горны...

Страшно было бродить в те дни среди этого железного хаоса. Как, чем они держатся, эти нависшие над головой железные балки, эти разорванные краны, эти качающиеся башни, эти обломки крыш, стен, колонн.

— Привычкой держатся,— смеясь, объяснил нам инженер Биллим.

Если бы пришел в те дни сюда старый инженер с молоточками на фуражке, он бы сказал: все надо снести, расчистить и на голом месте строить заново.

А макеевские инженеры высмеяли бы его. Они гордятся тем, что все, что было пригодно к жизни на разрушенном заводе, они спасли и вылечили.

Здесь не всегда говорят: «Восстановить». Здесь часто говорят: «Вылечить».

И они лечили раненый завод, как добрые и умные док-

тора. Ампутировали мертвые конечности, выпрямляли живые, делали протезы, бетонные бандажи, подводили опоры, утолщали перекрытия. В «полевом лазарете» — в походных мастерских — лечили металлоконструкции, заботливо извлеченные из завалов. Правили металл, подрезали, клепали, наваривали, сшивали... и снова пускали жить.

Как всякие подлинные хирурги, они не боялись риска. Они шли на дерзкие операции, невиданные и неслыханные в старой технике. Они верили в свои руки и в свой военный опыт. Они знали: время требует.

Они подняли лежавшую на боку стену газоочистки в пять дней. Просто подняли целиком вместе с кирпичным заполнением и железобетонным перекрытием. Они решили не демонтировать котлы на Коксохиме, под которыми немцы взорвали фундаменты, а поднять их домкратами. И пока строители заливали в фундаменты бетон, в «висячих» котлах над ними трудились монтажники.

Здесь это называют «укрупненным монтажем». Тебе не кажется, товарищ, это похожим на «массированный огонь»?

Строители научились поднимать и передвигать огромные массы металла. Они подняли обрушившийся на рудный двор грейферный кран-гигант в 400 тонн весом. Они подняли его и поставили. У крана не было ноги. Они ее сделали. Они могут поднять своими гидродомкратами все, что угодно. Хоть весь завод.

Работали споро, яростно, лихо, как только советские люди умеют работать.

Ты знаешь, товарищ, что такое азарт боя? Когда смерть — на смерть и ветер в уши, и винтовка горит в руках.

Ну, а это — азарт труда.

Так еще никогда не работали.

Ты вернешься, товарищ, домой, посмотришь на выле-

ченные цехи и не назовешь их инвалидами. Они стали куда прочнее, надежнее, словно горе, огонь и смерть закалили их. Честное слово, они даже похорошели, на мой глаз.

Я хотел бы, чтобы ты был сейчас со мной в Мариуполе, товарищ. Помнишь красавицу «Азовсталь» — завод на море? Мы видели ее с тобой и в дни ее величия и в ее горькие дни. Пожалуй, этому заводу немцы навредили больше всего. И все-таки...

Ты помнишь старую электростанцию? Ее строили три года. Немцы разрушили ее в один день. И на развалинах ее мариупольские строители выстроили новую в шесть месяцев.

Она стала лучше, выше, просторнее и красивее старой станции, товарищ. Строители приняли в расчет все, что раньше было плохим и неудобным. Они сказали себе: жить после войны и работать после войны надо лучше, чем жили и работали раньше.

Они поставили котел не в 90 тонн пара, как раньше, а в 130 тонн. Пристроили подстанцию собственных нужд; ее раньше не было. Пристроили новые бетонные помещения: столовую, мастерские, контору.

Вместе со старым строителем Александром Павловичем Поборчим, выросшим здесь, на «Азовстали», ходили мы по заводу, и всюду видел я, как люди с азартом, с трудовым пафосом осуществляли свою мечту о лучшей жизни.

И, глядя на зияющие в цехах раны, думал я: что ж, обеднели мы в результате войны и разрушений? Нет, богаче стали. Человеческой силой своей, опытом и умением.

Мы стояли с Поборчим на домне номер четыре — крупнейшей в Донбассе. Взорванная немцами, она на три метра провалилась в горно.

— Мы ее думаем поднять...— негромко сказал мне Поборчий.

— То есть как поднять? — не понял я.

— Да так. Очень просто,— объяснил он.— Подведем домкратики и того... поднимем... чуть передвинем и установим...

— Сколько же она весит? — закричал я.

— Больше тысячи тонн.

Ты помнишь бак на мартене в Макеевке, товарищ? Он и сейчас цел. Словно нарочно, для истории. Тогда мы с тобой считали чудом техники и победой смелого риска подъем этого бака на башню. Он весил около двухсот тонн.

А тут...

Подымет ли домну Поборчий своими «домкратиками»? Отчего же не поднять! Разве не сумели енакиевцы в кратчайший срок воздвигнуть шедевр техники — единственную в Союзе металлическую угольную башню-красавицу? Разве, рискнув строить бетонную башню без строительных лесов, не победили макеевцы? Они впервые применили подвижную опалубку и выстроили сорокатрехметровую башню в 25 дней вместо шести месяцев.

Было ли это штурмом? Нет, тут авралить было нельзя. Перекосишь башню. Это был «конвейер бетона». Движущаяся вверх опалубка создавала рабочий темп, от которого никто уж отстать не мог: ни штукатуры на своих подвесных люльках, ни каменщики на струнных лесах.

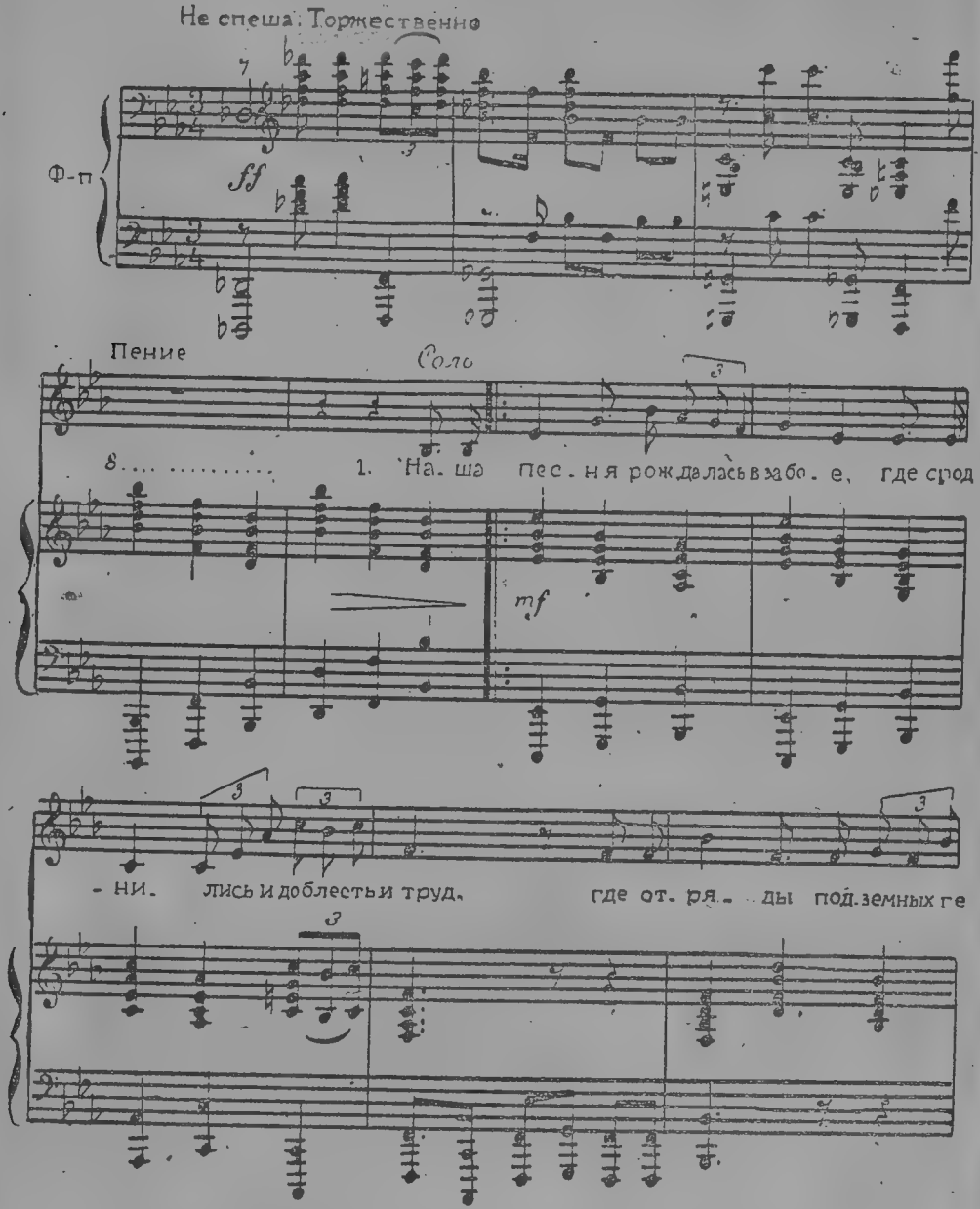
Нет, товарищ, добив немца, ты вернешься не на пепелище! Ты вернешься в Донбасс, охваченный радостной и дружной стройкой. Тебе дадут место на строительных лесах, и ты, засучив рукава, будешь строить новый Донбасс. Он будет еще лучше, богаче и красивее старого.

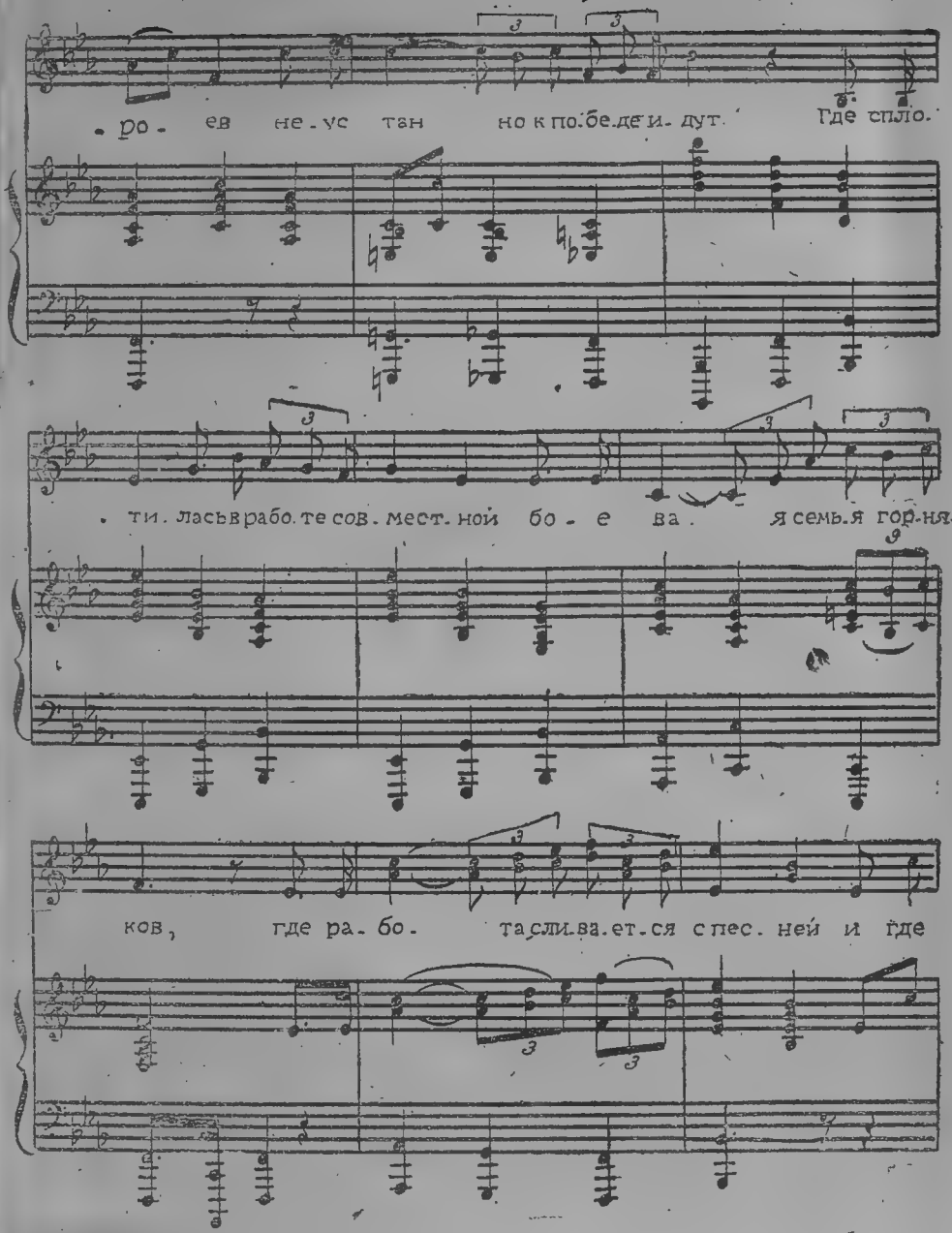
Разве не за это мы с тобой деремся сейчас, товарищ?..

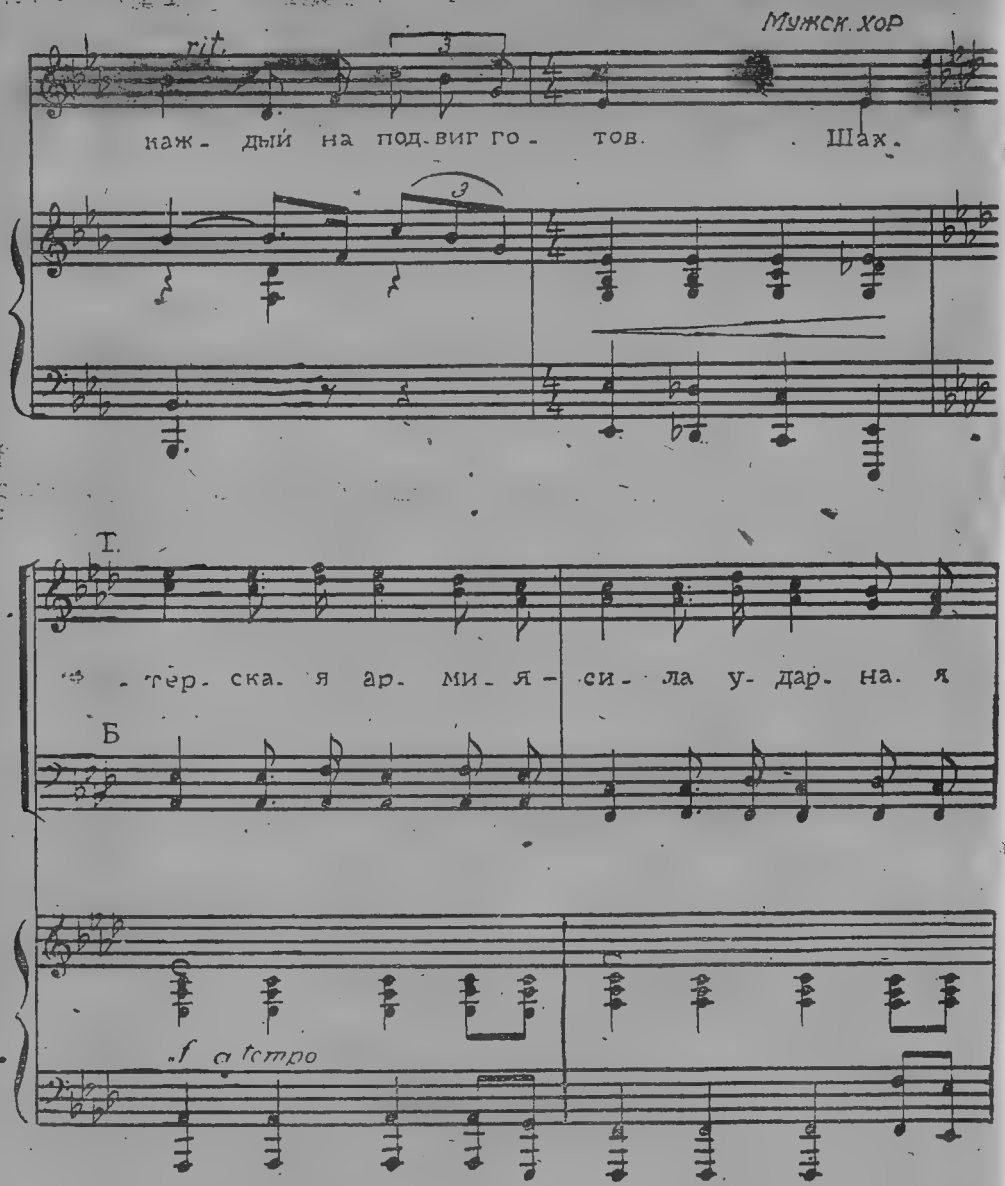
Наша песня

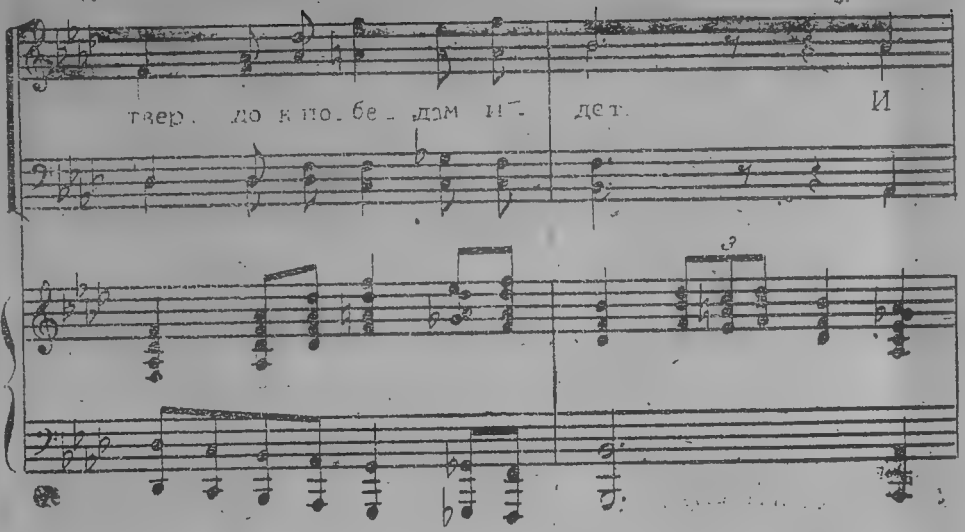
Слова Вас. ХМАРА

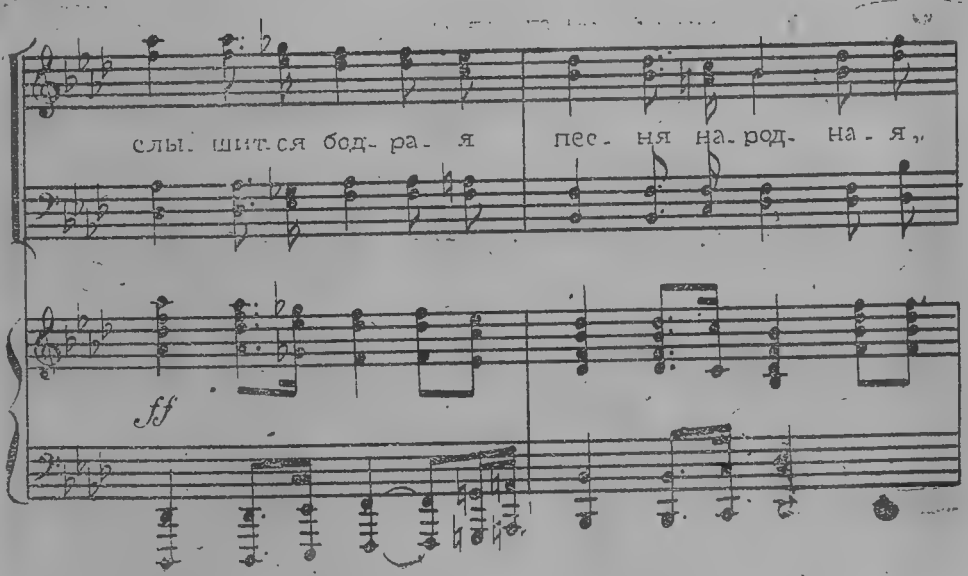
Музыка Л. БАКАЛОВА

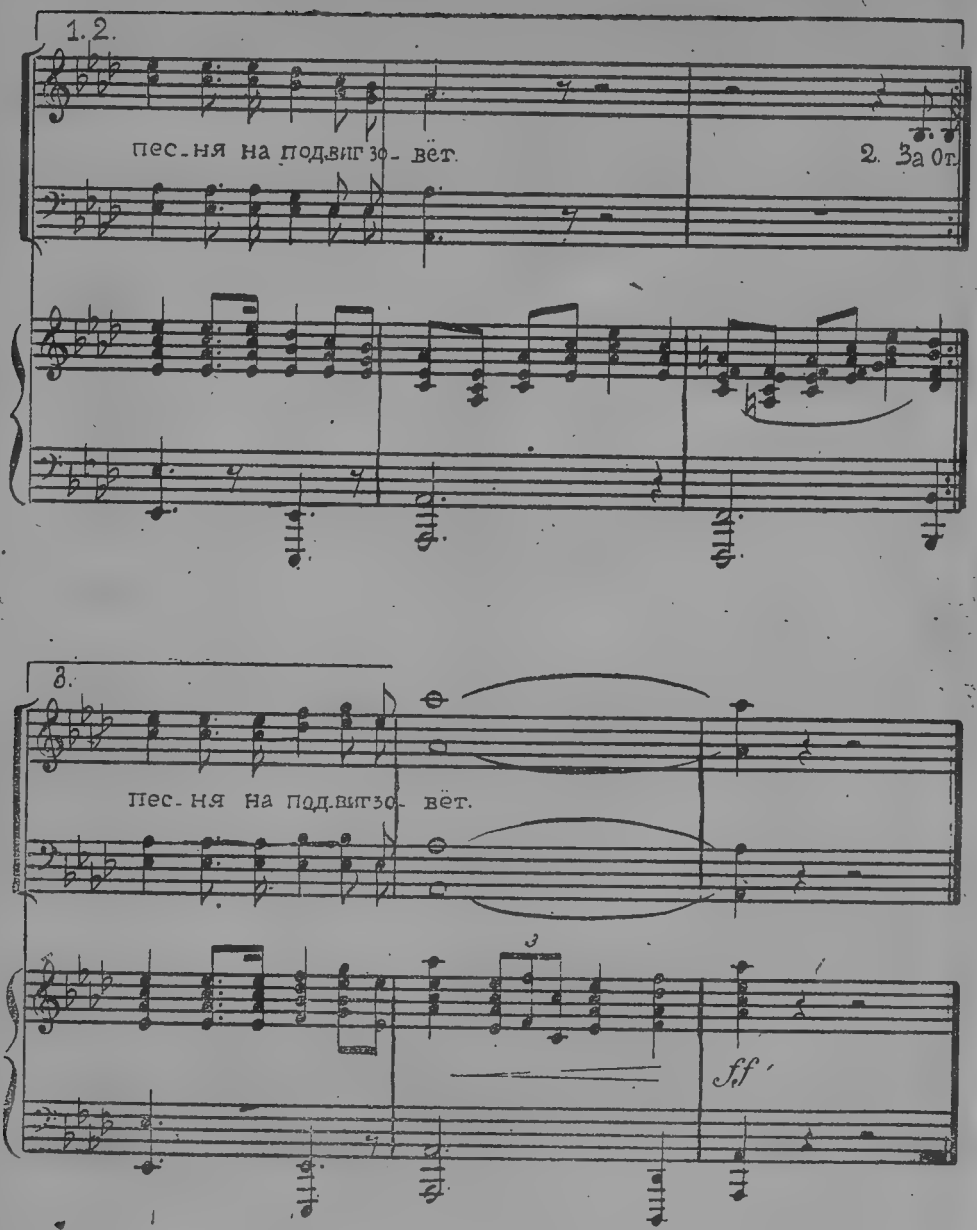



ро- ев не-ус тан но к по-бе-де и-дут. Где спло-
ти-лась в рабо-те сов-мест-ной бо- е ва- я семь-я гор-ня-
ков, где ра-бо- та слы-ша-ет-ся с пес-ней и где


Мужск. хор
rit.
3
каж - дый на под - виг го - тов. Шах.
3
Т.
- тер - ска. я ар - ми - я - си - ла у - дар - на. я
Б
f a tempo


твер. до ко по. бе. дим ни. дет. И


слы. шит ся бод. ра. я пес. ня нарол. на. я,
ff


1.2.
пес-ня на под.виг зо- вёт.
2. За от.
3.
пес-ня на под.виг зо- вёт.
3
ff

1. Наша песня рождалась в забое,
Где сроднились и доблесть и труд,
Где отряды подземных героев
Неустанно к победе идут.

Где сплотилась в работе совместной
Боевая семья горняков,
Где работа сливается с песней
И где каждый на подвиг готов.

Припев:

Шахтерская армия —
Сила ударная,
Твердо к победам идет,
И слышится бодрая
Песня народная,
Песня на подвиг зовет.

2. За отчизну сражались шахтеры,
Как и весь наш советский народ,
Отстояли родные просторы,
Разгромили разбойничий сброд.

А сегодня и в штреках и в лавах
Встали снова единой семьей —
Не померкнет шахтерская слава,
Не угаснет наш дух боевой.

Припев.

3. Ни снега, ни дожди, ни бураны
Нам помехой не станут в бою,
Мы залечим тяжелые раны,
Возрождая отчизну свою.

Мы работой прославим забои,
Днем и ночью шагая вперед,
Чтобы Сталин родной был спокоен
За шахтерский, за угольный фронт.

Припев:

Шахтерская армия —
Сила ударная,
Твердо к победам идет,
И слышится бодрая
Песня народная,
Песня на подвиг зовет.

*

З. КАЦ и М. ТАЛАНОВСКИЙ

Письмо родному краю

Здравствуй, родина-Донбасс,
Край любимый, край отцовский!
Боевой привет от нас
Шлем тебе на этот раз
С Украины заднестровской.

Далеко наш путь пролег.
Но и здесь солдаты слышат,
Как отбойный молоток
Гулко рубит уголек
И как жарко домны дышат.

От тебя, Донбасс, вдали
В жаркий бой идут колонны,
Чтобы дар твоей земли
На-гора́ поднять смогли
Наши братья, наши жены.

Жизнь солдата нелегка,
Но горняк воюет споро!
И не раз спина врага
Испытала, как тяжка
Гневная рука шахтера.

Мы стоим в строю одном —
И шахтеры, и солдаты.
Ты — отбойным молотком,
Мы — гранатой и штыком
Бьем злодея-супостата.

В день победы, в светлый час
Прогремит салют московский,
Ты зажжешь огни, Донбасс,
Ты цветами встретишь нас,
Край любимый, край отцовский.

☆

АНТОН ПРИШЕЛЕЦ

Лучше всех!

Без угля
нам жить нельзя!
Нет угля —
и домна встала,
Нет угля —
и нет металла,
Нет ни пули,
ни ружья.

Нет угля —
и нет литья,
Нет ни пушек,
ни снарядов.
Потому-то нам,
друзья,
Лучше всех
работать надо!

☆

Н. СВИРЧЕНКО

Шахта «Мария»

1

Он сам зарядил мелинитом последнюю бурку, сам надрезал ножом бикфордов шнур и, окликнув, все ли полезли наверх, чиркнул спичкой.

Перевел дыхание, прислонившись спиной к бетону перемычки. За перемычкой лежали горные выработки «Марии», защищенные бетоном от воздуха и воды. Пять метров штрека перед перемычкой сейчас должны были рухнуть, создав видимость сплошного завала.

По скользким, холодным ступенькам лестничного ходка полез на-гора́. Уже наверху услышал, как взорвалась первая бурка.

Все эти дни, пока еще надо было разбирать и запрятывать оборудование, класть перемычку, грузить последний уголь и эвакуировать рабочих с семьями,— все эти дни можно было не думать о немцах, можно было еще собираться куда-то уходить, уговариваться с Алевтиной Ивановной и Катей об адресах, если не догонит их эшелона... Но теперь, когда все, что нужно было сделать, было

елано, он понял, что никуда не уйдет: поздно, да и сил
оставалось больше.

И это решение почему-то успокоило. Только осталась
ида, что вот опоздал, не простился с Алевтиной Ива-
вной, не обнял на трудную дорогу Катюшу с внуча-
ми.

Так и уснул: перед печкой, с щипцами в руке.

2

За ночь земля поседела от инея, и казалось — опять
цвели сады. С первыми лучами солнца откуда-то спра-
, со стороны шоссейной дороги, со свистом распарывая
ебо, полетели в поселок немецкие снаряды.

Разрозненные группки шахтеров, еще остававшихся в
оселке, побежали в сторону Козловской Засеки.

Догадавшись, что поселок пуст, немцы прекратили
гонь, и вскоре первые их машины прокатили под окнами.

На третью ночь к Коровановым пришли. Перерыли все
умаги, все вещи, но того, что искали, не нашли.

— Зачем вы упорствуете? — спросил офицер, пожилой
емец с усталыми, выцветшими глазами.

— Чертежи сожжены.

— В таком случае набросайте план на память: вы же
ыли главным инженером шахты «Мария»?

— Нет, плана шахты я не помню.

— Тогда пойдемте.

..Он не отвечал на вопросы. Ему предлагали войти
олноправным акционером в компанию по восстановлению
гольных шахт на занятой немцами советской террито-
ии. Ему обещали жизнь, покой, сытую старость, и ценой
ыл план шахты, с обозначением районов затопления.

Он сказал:

— Нет, плана не помню. Что касается районов затоп-
ения, то шахта затоплена вся.

Тогда, поняв по глазам старика, что им не сломить его воли, они набросились на него...

Он открыл глаза и узнал проходчика Кашинцева. С трудом спросил:

— Ты почему здесь?

— Старая песенка, Федор Иванович: запил. Опомнился — поздно.

— Вот как страшно кончается жизнь, Роман.

— Что говорить, конец обидный.

— И тебя тоже о «Марии» пытали?

— О шахте, конечно. План хотят получить. Может, что и подозревают.

— Сказал?

— Ни звука, Федор Иванович. Это дело подороже будет твоей да моей шкуры. Им только дознаться про перемычку — через неделю пойдут уголек качать.

Кашинцев опустился на колени в углу кирпичной будки, куда его посадили вместе с Корововым.

— Все, что можем теперь,— молчать. Русский человек запрягает долго, а уж как тронулся — не удержишь. Увидишь, как погонят немца! Он уже и теперь на нашей земле ровно голым задом на муравейнике сидит... И вернутся на шахту шахтеры, откачают водичку, бетон разобьют — а штреки-то за перемычкой целехоньки стоят! И пойдут работать, ух как рубать уголек будут! И опять воскреснет «Мария».

— А хотелось бы еще одну такую шахту выстроить. Чтобы в степи, в глухомани — и вдруг поселок, люди, огни по всему горизонту...

— Другие построят, Федор Иванович! Люди станут голодные по труду, по работе, люди другие станут после этой войны...

Замолчали, прислушиваясь каждый к своим мыслям.

3

Шахтный двор замело снегом. Проржавевшие ноги копра заиндевели от пара, еле заметно курившегося над затопленным стволом шахты.

Человек пятьдесят оставалось в поселке — больных, стариков, старух, и всех их согнали немцы к шахте. Толпу оцепили немцы с автоматами.

Офицер шагнул и заговорил, обернувшись к толпе:

— Мы не хотим зла русским людям. Коммунисты разрушили шахту, мы хотим ее пустить. Этот человек,— он повернул голову в сторону Романа,— этот шахтер должен сообщить нам план шахты и как она затоплена или же он будет наказан, как наш враг. Ну? Говори!

— Можно ответить,— сказал Кашинцев, снимая картуз. — Немец вам тут врал, ну, а я хочу вас напоследок сказкой потешить. Хорошая сказка — она всегда от правды берется... Видишь ты, жила-была на свете птица ночная — сова. Избаловалась она на мышах и захотелось ей рыбки отведать. Шасть на воду, когти — в щуку, и ну утянуть. Ан силенок-то и нехватило. Сова щуку — к бережку, где помельче, а щука ее — на середку, где самая глубь. Хлопает сова крыльями, да без толку. Видит — не по клюву кус: давай в обратную! Ан когти-то и увязли. Выбилась из сил — тут щука и утянула сову под воду!— Он поправил воротник и, протянув руку в сторону офицера, крикнул: — Не по клюву кус взяли! Не запугаешь! Вот я один — видишь? — один против всех вас стою, и нет во мне страха. Не возьмете! Не выдадим вам уголька нашего!

Офицер шагнул вперед и отвел руку, собираясь ударом кулака сбросить Кашинцева в шахту. Но проходчик опередил его: он обхватил офицера сильными руками и, крепко прижав к себе, шагнул в черную дыру шахты.

И тут увидел Корованов, которого немцы оставили

стоять возле кирпичной будки: молча, подняв автома
солдаты пошли на толпу старух и стариков, медленно т
ня их к шахте. Он услышал выстрелы и увидел, как н
цы кулаками, ногами, прикладами добивали и сталкива
беззащитных страшно кричавших людей в черную безд
Теряя сознание, он упал лицом в снег.

4

...Прислонившись к забору, чтобы не упасть от сла
сти, одряхлевший человек, оборванный, в рваных опорк
тусклыми, неверящими глазами смотрел, как в посел
входили красноармейские части.

Несколько дней его выхаживали в медсанбате, как
бенка. Но и оправившись от голода, отогревшись, он
еще не мог привыкнуть к тому, что опять называют
по имени: вздрагивал от громких голосов, втягивал
лову в плечи, как будто каждую минуту опасался,
кто-то может ударить его...

Но жизнь брала свое...

Уже хозяин — советский человек — вернулся в посел
и принялся приводить все в порядок: кучи металла, сте
ла, кирпичного боя вывозились на свалку; стекольщи
захрустели по стеклам своими алмазами.

И когда секретарь райкома, фронтовик с пустым пр
вым рукавом шинели, вечером навестил Корованова и з
говорил с ним о «Марии», тогда Федор Иванович поня
что жизнь начинается снова.

— Сколько вам нужно времени, чтобы шахта нача
давать добычу?

— Полагаю, недели две. Возможно, полторы, если д
дите завтра же людей.

— Люди будут. После того, что все мы пережили, ве
поселок пойдет работать. Красная Армия сделала саму
трудную, самую тяжелую работу — очистила землю, на

осталось самое радостное — возделать ее, возродить, воскресить из мертвых «Марию»! Немцы думали, что шахта безвозвратно погибла, а она ждала нас.

5

Обушок врубался в угольный пласт. Голое по пояс, смуглое тело лоснилось от пота. Еще и еще удар — и пласт обрушивался к ногам. Забойщик брал лопату и помогал вагонщику, девушке-подростку, грузить уголь. И снова обрушивал на угольный пласт удары обушка. Тонкими, худенькими руками девушка толкала вагончик и, когда он упирался, закусывала губу, чтобы не расплакаться от усталости.

Угольная пыль поднималась к лампе, липла к телу.

За всю свою долгую жизнь Корованов не видел, чтобы люди так работали. А они были голодны, потому что еще не наладилось питание, они спали на голом полу в полуразрушенных, промороженных домах, они изводились тоской и тревогой за свои семьи, эвакуированные в тыл...

Но самое страшное миновало навсегда, и это было важнее всего.

Корованов не узнавал этих людей: так изменились они за долгие дни потерь и страданий. Как будто другими глазами смотрели теперь на труд свой, на свою землю, на израненный, разрушенный поселок: все стало вдвойне дорогим, вдвойне родным.

Через пятнадцать дней шахта дала первый уголь.

И впервые за эти пятнадцать дней нечеловечески напряженной работы Корованов лег спать в девять, собирался встать в семь и пойти в лес, но поднялся в четыре и пошел на шахту.

Солнце еще не вставало. На травинках, на ветках, на проводах дрожали капельки влаги, и облетевшие листья осин пестрели на дороге, на крышах домов, на оконных

стеклах. В утренней тишине тоненьким голоском закричал на шахтных путях маневровый паровозик. Коровано прислушался, будто никогда раньше не слышал этого гудка.

Будний день занимался над возрождавшимся из обломков и пепла поселком, над шахтой, над полями, где озимая рожь тоненькими, нежнозелеными стрелками уже проткнула корку земли.

★

ЕВГЕНИЙ ГОРБАНЬ

Родному Донбассу

Видал на веку своем древнем немало
Высокий донецкий курган.
Его Золотая орда насыпала,
И спит в нем воинственный хан.

Он помнит, курган, как звенели подковы,
В веках не затих этот звон.
Когда проходили дружины Донского,
Сверкая мечами, на Дон...

Звенели цикады в июньскую пору,
А маки пылали огнем.
И помнит курган, как летучим дозором
Казаки стояли на нем.

Века проходили без устали мимо,
И ветер, забыв про ковыль,
На спину кургана, чернея от дыма,
Швырял антрацитную пыль...

Потом по Донбассу катился боями
В семнадцатом грянувший гром,
И помнит курган, как шахтерское знамя
Взвилось над высоким копром.

Когда же по шахте со свистом и воем
Ударил германский снаряд,
Последний шахтер, распростившись с забоем,
Ушел в партизанский отряд.

Зверея, таращил стеклянные бельма
На шахту немецкий майор.
В степи под курганом солдаты Вильгельма
В шахтера стреляли в упор.

Шахтерский ответ прозвучал по-донбасски:
— Германскую сволочь лупи!
С тех пор и поныне немецкие каски
Ржавеют в донецкой степи.

Недаром края защищали родные,—
Погиб здесь шахтер-партизан.
И шахту иную и песни иные
Увидел, услышал курган.

Здесь люди любить и работать умели.
Пришла золотая пора.
В полях молодые посевы шумели,
И шел антрацит на-гора.

А в майские теплые, лунные ночи
Донбасс в голубом утопал,
И звезды горели, как девичьи очи,
И парень по милой страдал.

Подруга встречала его у кургана,
Потупив застенчиво взор,
И с милой дивчиной и с верным баяном
Шагал он в широкий простор.

Но утром июньским фашистские своры
Внезапно ворвались в наш дом.
И снова увидел курган, как шахтеры
Вставали на битву с врагом.

От снежной Камчатки до жаркого Крыма
Страна в этот день поднялась,
И встал на защиту отчизны любимой
Широкий и дымный Донбасс.

Шахтер осушал по-донецки с поклоном
Последнюю чарку вина.
На запад, на запад неслись эшелоны,
А там полыхала война.

Оттуда, как звери голодные, фрицы
Рвались на Донбасс и на Дон.
И видел курган, как взлетали зарницы,
Как гневно пылал небосклон.

Сверкали в боях воспаленно-сухие,
Горящие гневом глаза.
Глазами солдата глядела Россия,
Ее не страшила гроза...

И с парнем знакомым,
как с другом, как с братом
Опять повстречался курган.
Тяжелой походкой он шел с автоматом,
На время забыв свой баян.

Он бил по врагу до последнего диска
За счастье, за землю, где рос,
За ту, от которой в кармане записка
И прядь золотистых волос...

На шахту ворвалась эсэсовцев стая,
Был голоден немец и сер.
Командовал стаей, оскалясь и лая,
Поджарый, как волк, офицер.

Всех женщин на площадь, где фыркали танки,
Солдаты согнали на сход,
Пруссак-офицер, прохрипев «партизанки!»,
Ощерясь, навел пулемет.

У замершей шахты, в руинах поселка,
Где кровь пропитала песок,
Над пеплом качалась в петле комсомолка,
Лицо обратив на восток.

Расчесывал ветер кудрявые пряди
Ее золотистых волос,
Рассказывал ветер шахтерам в отряде,
Что видеть ему довелось...

За слезы, за ужас предсмертного часа
Невест, матерей и сестер,
За муки и горе родного Донбасса
Встал мстителем грозным шахтер.

За шахты, поселки, за каждую рану
Он сводит с бандитами счет,
И парень-забойщик, знакомый кургану,
С востока на запад идет.

На запад летят краснозвездные птицы,
На запад орудия бьют.
Над старым курганом сверкают зарницы,
Дивизиям нашим — салют!

Отчизна в боях закалилась, окрепла,
И пробил решительный час,
Свободным и новым встаешь ты из пепла,
Меча не сложивший Донбасс!

☆

ЛЕОНИД ЖАРИКОВ

Коногон Гришечко

(Рассказ)

В необъятных донецких степях за цветущими балками и курганами затерялся небольшой рудник Чертовяровка.

Шахта на руднике была старая, она доживала свой век. Невдалеке рыли новую шахту «Гигант».

Но Чертовяровка была знаменита в этих краях. Не угледобычей славилась она, не богатырями-стахановцами, а необыкновенным своим гармонистом по прозвищу Гришечко.

Гришечко был партизаном гражданской войны. В одной из жарких схваток с врагом ему отрубили саблей левую руку почти по локоть, и с тех пор вместо крепкой, мозолистой кисти у Гришечки торчал обрубок.

Но несмотря на это Гришечко так прекрасно играл на баяне своей короткой культяпкой, что в Чертовяровку почти каждый вечер со всех окрестных рудников сходились шахтеры.

Гришечко выносил баян, лихо растягивал его малиновые меха и запевал:

Спят курганы темные,
Солнцем опаленные,
И туманы белые
Ходят чередой.

И толпа шахтеров замирала, потрясенная пением и чарующими звуками баяна.

В конце октября сорок первого года Донбасс заняли немцы.

Рудники опустели. Даже дети и женщины покинули свои жилища и ушли в степь вслед за отступившими частями Красной Армии.

Опустела и Чертовяровка. На всем руднике остался только один человек. Это был коногон и гармонист Гришечко.

Он наотрез отказался покинуть любимую старую шахту и поклялся любой ценой помешать немцам добывать уголь или разграбить шахтное оборудование. Ему оставили автомат, ящик патронов и пуд взрывчатки на всякий случай.

В полдень из поселка ушел последний шахтер, а к вечеру пришли немцы.

По уличке промчался мотоциклист, за ним конный разъезд и, наконец, отряд немецкой пехоты в глубоких стальных касках. Позади всех на машине ехал духовой оркестр.

На рудничную площадь, громыхая медными трубами, вышли музыканты. Солдаты расселись вокруг и неожиданно заиграли веселую польку.

Командир немецкого отряда рыжий лейтенант стоял поодаль и похлопывал прутиком по голенищам блестящих сапог. Он был доволен своей выдумкой. Он ждал шахтеров. Он был уверен, что звуки веселой музыки соблазнят их и они соберутся на площадь, и тогда он заставит их опуститься в шахту добывать русский уголь для Германии. Но он ошибся. Звуки веселого танца гулко отдавались в опустевших уличках поселка. Шахтеры не собирались.

— Играть громче, что они, оглохли, что ли? — вскричал лейтенант.

Оглушительно грохал барабан, взвизгивали медные литавры, но ни один житель рудника не показался.

— Русский швайн,— зловеще произнес лейтенант.— Я их заставлю выползти из своих нор. Ну-ка, ребята, сыграйте им на тех инструментах, которые для них более понятны!..

Немцы выкатили пулемет, и свинцовый ливень стеганул по окнам шахтерских домов. Зазвенели осколки разбитого стекла, загорелся сарай. Но на улицах попрежнему не появился ни один человек.

— Выгнать их штыками! — взревел лейтенант, и солдаты со штыками наперевес побежали по улицам. Но в домах никого не было. Валялись опрокинутые табуретки, простреленные кастрюли, и тишина таилась в покинутых квартирах.

Лейтенант свирепо выругался и решил добыть хоть немного угля силами своих солдат. Он построил их в колонну и направил к шахте.

Там было еще пустыннее, чем в поселке. Угрюмо высился черный копер над зданием шахты, а с подъемных колес наверху безжизненно свисал перерезанный канат, которым поднимают из глубины клеть.

Вход в здание был завален опрокинутыми вагонетками, обломками труб, тяжелыми скатами вагонов.

Ничего живого не было видно вокруг, лишь одиноко прыгали по железу воробьи. Своим чириканьем они еще больше подчеркивали заброшенность шахты.

Отряд немцев остановился во-дворе. Солдаты сняли винтовки.

— Раскидать вход! — скомандовал лейтенант. Солдаты кинулись было исполнить приказание, но неожиданно остановились. Оторопел и сам лейтенант.

В полной тишине, откуда-то сверху, из-под крыши, послышался отчетливый мужской голос:

— Эй, ты, хабер зуппе, не тронь баррикаду!

Лейтенант схватился за парабеллум, оглянулся по сторонам, но нигде никого не было видно.

— Русс, выходить! — крикнул он, вытащив из кобуры хищный парабеллум.

— Я тебе дам «выходить»,— ответил тот же голос, и вслед раздалась короткая очередь автомата. Один солдат упал. А у лейтенанта с головы слетела фуражка, словно чья-то невидимая рука скинула ее. Лейтенант присел за ваганетку, посмотрел на простреленную фуражку и закричал:

— В шахте партизаны, вперед!

Немцы поползли к баррикаде, но из шахты застрочил автомат. Солдаты остановились. Стало тихо. Немцы выглядывали из-за укрытий. И в этой тишине где-то совсем близко раздался все тот же таинственный голос:

— Эй, фриц, чего заховался? Вылазь, я в тебе дырку сделаю!

Лейтенант выстрелил по голосу. Никто не ответил. Он выстрелил еще раз.

— Кобыле под хвост! — проговорил тот же голос, но уже не сверху, а справа, из окна первого этажа.

Немцы открыли бешеную стрельбу по окнам. Им никто не ответил. Лишь изредка то там, то здесь слышался насмешливый голос. Казалось, сами стены говорили по-человечески.

Немцы притащили легкую пушку. Первым снарядом отбило угол здания, второй насквозь пробил две стены. Поднялся грохот, гул, треск. Снаряды продырявили разрушили здание, и теперь лейтенант поднял руку.

— Довольно! — сказал он,— эти негодяи уже не откроют свои грязные рты. Разбирать вход!..

Стрельба стихла. Солдаты принялись растаскивать завал, но неожиданно раздался все тот же громкий голос:

— Ты що, гадюка, русского языка не понимаешь! Не трожь баррикаду, говорю! — И меткая очередь свалила трех солдат.

Немцы снова залегли и открыли яростную стрельбу. Гул стоял в воздухе. Пыль, дым облаком окутали осажденную шахту. А в это время внутри здания однорукий Гришечко лазил по лестницам, ведущим вдоль стены на самую крышу, и стрелял по немцам из каждой щели.

— Гришечку не возьмешь, фунцик-пунцик,— говорил он.— Гришечко не такое в жизни видал.

Пустой рукав его болтался слева. Из плеча сочилась кровь. Немецкая пуля ранила его, но он словно не замечал этого. Он стрелял спокойно, по выбору. Уже много немцев валялось во дворе, меж обломков ржавого железа, но они лезли с еще большим остервенением.

Кровь все обильней сочилась из простреленного плеча Гришечки. Она залила всю его белую чистую рубаху, даже сапоги. Тогда он пустым рукавом кое-как обмотал рану.

Немцы наседали. Повизгивали пули, обваливался потолок. Удушливый синий дым стоял под высокими сводами здания, но Гришечко не подпускал немцев к баррикаде.

— Врешь,— кричал он,— Гришечку не убьешь!! Гришечку пуля не берет! — и стрелял до тех пор, пока ни в диске автомата, ни в ящике не осталось ни одного патрона.

Тогда он сбежал по лестнице вниз, достал взрывчатку.

— Угля хотите,— спокойно сказал он,— зараз вам будет уголь.

На веревке он опустил в ствол шахты взрывчатку, снял с головы кепку и, порывшись, достал спички.

Прижав обрубком руки к груди спичечную коробку, чиркнул спичкой, поднес метущийся огонек к шнуру, поджег его.

В это время один из немцев пробрался сквозь баррикаду и, вскинув винтовку, выстрелил в упор в шахтера.

Схватившись за грудь, Гришечко упал на пыльный железный пол. Немец прыгнул к нему, но Гришечко с отчаянным усилием схватил тяжелый болт и швырнул его в немца. Удар пришелся между глаз, и немец, раскинув руки, грохнулся навзничь.

— Гришечку не убьешь. Гришечко не такое в жизни видал! — с трудом поднимаясь на ноги, проговорил Гришечко...

...Немцы разобрали вход. Перед ними стоял, шатаясь, однорукий человек. Клочьями свисала рубаха, испачканная кровью. В правой руке был пустой автомат.

— Гришечку голыми руками не возьмешь! — хрипло проговорил он и, повернувшись, побежал к черному провалу ствола.

— Взять, взять его!

Лейтенант гнался за Гришечкой, пытаясь схватить его, двое солдат бросились наперерез, но Гришечко подбежал к глубокому колодцу и вдруг бросился туда вниз головой.

Немцы остановились, с ужасом слушая, как из глубины доносился шум падающего тела.

Лейтенант повернулся к солдатам и вдруг изо всей силы ударил одного кулаком по лицу, словно тот виноват был в том, что русских невозможно победить.

В это время затряслась земля, внутри ствола послышался взрыв, и красный столб пламени взметнулся под самую крышу. Здание зашевелилось, словно вздохнуло, и с треском, громом обрушилось на немцев.

Огромное облако пыли и дыма медленно оседало над грудой молчаливых развалин.

ВИКТОР ТИПОТ

„Черствая баба"

(Рассказ)

Фамилия моя — Сазонова, Марья Никитична... Год рождения 1916, замужняя...

Я вам про себя сразу все рассказываю, потому время сейчас такое, что надо знать, с кем имеешь дело...

Дети есть — один, Котик, в феврале ему исполнится четыре года.

Постоянное местожительство?.. Вот тут я затрудняюсь, что вам сказать, это и есть главная закорюка. Сейчас я проживаю на Урале в городе Н., а ранее жила гораздо юго-западнее. Ну, как стали приближаться к нам незваные гости,— чтоб им ни дна, ни покрышки,— началась у нас эвакуация. А я говорю: «У меня муж на фронте, и я туда хочу; может быть, сумею сделать Гитлеру хоть маленькую неприятность». А мне говорят: «Эвакуируйтесь, воспитывайте вашего хлопца хорошим советским гражданином, это и будет ваша неприятность Гитлеру». И дали нам направление в город Н.

Ох, и не понравился мне этот город!

Вышли мы из вагона на вокзальную площадь — все течет: с неба дождь льет, не переставая, по мостовой вода течет, ни пройти, ни проехать; у Котика — насморк; ну, и у меня, ясное дело, потекло из глаз. Да и как тут не заплакать: кругом все чужое, серое — и люди, и природа. Вспомнила я родные места, солнце наше, сады, мирное житье... Ну, да уж ладно.

Вселили нас в комнату в порядке уплотнения.

Мы с хозяйкой спервоначалу, как кошка с собакой, а потом пригляделись как-то: вижу — она ничего человек, она видит — я ничего человек, да и податься нам друг от друга все одно некуда, ну, и договорились, живем.

Я сижу, пишу письмо мужу и слышу, как хозяйский Петька зовет моего во двор, а Котик спрашивает: «Во что играть будем?», а Петька говорит: «В очередь за газированной водой», а Котик говорит: «Сегодня не могу: вода холодняя, а я «на бюллетне...»

Ну, думаю, уже начинается: вместо «холодная» — «холодняя», вместо «на бюллетене» — «на бюллетне»,— научат моего мальчика в этом городе... А сама пишу: «Родной мой, скорей добивай Гитлера и забирай меня отсюда, уж очень мне здесь не по душе...»

Огляделась я, устроилась и спрашиваю жену одного эвакуированного инженера насчет работы. Она говорит: «Зачем вам на работу, у вас нетрудоспособное дитя, вас на трудовой фронт не заберут». А я говорю: «Меня «забирать»не надо, я понимаю, какое сейчас время, я сама хочу». Она говорит: «Сами хотите работать? Вы — чудачка!..» А я говорю: «Я не чудачка, а токарь пятого разряда, познакомьте меня с вашим мужем, он меня лучше поймет». И верно, дал мне этот инженер записку на свой завод. Все получилось хорошо, и с хозяйкой договорилась, чтоб ей за Котиком смотреть, а сама сажусь в трамвай и еду первый раз к себе в цех. Знаю только, что назначена я в бригаду товарища Лукиных.

Ехать долго, народу в вагоне битком. И народ все серый, черствый какой-то, как каменный. С одной я даже поругалась,— очень черствая баба и из себя противная: сама здоровая, лицо круглое, рот до ушей, а на носу — бородавка. Она говорит: «До чего тесно, я,— говорит,— всю дорогу стою на одной ноге». А я говорю: «И притом на моей». А она говорит: «Вы это, гражданка, бросьте. Меня,— говорит,— мои личные ноги еще держат, мне чужой ноги не надо». Я говорю: «Я это в шутку говорю». А она говорит: «Какие могут быть шутки в такой тесноте, тут голову потеряешь, не найдешь, затопчут, понимаешь?» А я говорю: «Вы уже потеряли». Она всполошилась:

«Чего я потеряла?» А я говорю: «Букву «е» потеряли: надо говорить «понимаешь», «потеряешь», а вы говорите «понимашь», «потеряшь». А она говорит: «Не важно, как человек говорит, а важно, как робит». А я говорю: «Не «робит», а «работает». А она говорит: «И чего это ты ко мне привязалась, это у нас говор такой, ты, видать, не уральская». А я говорю: «Не уральская, и не хочу быть уральской, и никогда не буду». Я бы ей еще много чего сказала, но только-только хотела ее покрепче обозвать, тут мы как раз и приехали.

Завод громаднющий... Пока дали пропуск, то да се, пока нашла цех, времени прошло немало. Но в общем прихожу, спрашиваю своего бригадира товарища Лукиных. Выходит ко мне женщина, здоровая такая, лицо круглое, рот до ушей, на носу — матушки! — бородавка. Да ведь это моя — батюшки! — трамвайная! — «Ах ты,— говорит,— ко мне, очень приятно. Но тут,— говорит,— языком трепать не приходится, не в трамвае, у станка сразу видать, кому какая цена». А у самой бородавка так и прыгает на носу, нето от смеха, нето от злости. Скорее всего, от злости... Разве у таких черствых баб смех бывает?.. Ну, думаю, влипла. Тут как ни работай, а толку не будет; женщина она злопамятная, сразу видать по бородавке, жизни мне здесь не даст, заездит, это уж ясно.

Однако наладилась я, попривыкла к станку, сговорилась со сменщицей, продукцию делаем. Что именно делаем, про это я вам рассказывать не буду, не полагается, одно могу сказать: заданья серьезные, все больше фронтовые. Через несколько дней подходит ко мне Лукиных, глаз у нее тяжелый, безулыбчатый, говорит: «Плохо, Сазонова». Я думаю: вот начинается и говорю: «Почему плохо, по-моему, хорошо». А она говорит: «Хорошо-то хорошо, только хорошо — это по-нашему плохо, надо отлично». Я думаю: не жить мне в этом цехе и говорю: «Я, товарищ Лукиных, имею пятый разряд и норму свою выполняю, это

вполне нормально». А она говорит: «Это по-вашему нормально, а по-нашему ненормально. Если у тебя пятый разряд, должна выполнять норму седьмого разряда — вот это будет нормально по-нашему, по-уральскому». Я думаю: «Ну, до чего же черствая баба!» А она спрашивает: «Может, тебе чем помочь?» А я думаю: «Уж ты поможешь... Мой гроб заколачивать», а сама не подаю вида и говорю: «Спасибо, товарищ бригадир, уж я как-нибудь сама»...

И что же вы думаете, назло ей добилась я своего: каждый день выработку повышаю, пусть знает!.. Один раз про меня даже «молнию» выпустили.

Оказалось, между прочим, мы с ней, с Лукиных, в одном дворе живем, с одной остановки ездим, но я стараюсь либо раньше ее, либо позднее сесть в вагон.

И очень я обрадовалась, когда ее повысили и перевели от нас на другую работу: от такой черствой бабы чем дальше, тем спокойнее.

А тут как раз летучка: собрали нас, женщин, после смены и зачитали письмо с фронта от уральской гвардейской дивизии, а в письме благодарность уральским работницам за ударное выполнение фронтовых заданий. Все наши рады, и я, понятно, не отстаю.

А Лукиных спрашивает: «Ты чего сияешь?» Я объясняю: «С радости, благодарность с фронта — не шутка». А она говорит: «А ты тут при чем?» Я вся вспыхнула: «Как при чем, я уже за триста процентов вылезла!» — «Это дело особое, а благодарность-то кому — уральским работницам, а ты уральская не была и никогда не будешь — сама говорила...»

Ну, тут я прикусила язычок — крыть нечем...

Еду домой, думаю: «Какая черствая баба!» А тут как нарочно одна, видать, южанка, говорит соседке: «До чего здесь долго стоит холодная погода, ну и город...» Не выдержала я, говорю: «Много вы, гражданка, понимаете в

городах: что с того, что погода холодная, когда работа го-
рячая!» Кругом рассмеялись, и все на мою сторону стали.
Народ, знаете, здесь с виду суровый, но хороший, спра-
ведливый народ. И умеет посмеяться.

А один товарищ потом сказал: «Я,— говорит,— эту
гражданку знаю, ей до рынка ехать! А она от конфуза со-
шла на три остановки раньше, чем надо».

Прихожу домой, а дома — беда: Котик ничего не ест,
стал скучный какой-то, тронула я лобик — горит, смерила
температуру — тридцать девять с десятыми, а через час и
того больше, красный весь, разметался, бредит, меня не
узнает, называет Петькой...

Хозяйка как назло уехала в район за картошкой, а мне
на ночную смену: и ехать нельзя, и не ехать нельзя, и
раздумывать некогда — через час заступать. Как тут
быть?

Вдруг дверь открывается, и входит ко мне Лукиных.
Хоть мы и живем в одном дворе, а никогда друг у друга
не бывали. Я смотрю — и лицо круглое, и рот до ушей, и
бородавка, как была, на носу, а что-то не то: приоделась
она, что ли, глаза сияют, ничего бабенка, вроде даже кра-
сивая. И так смущенно говорит: «Сазонова, я к тебе на
минутку. Я, понимаешь, сегодня выходная, первый раз за
три месяца, и пригласил меня знакомый в московский
МХАТ смотреть постановку «Кремлевские куранты», так
нет ли у тебя чем попудриться?» Я даю, а сама чуть не
плачу. Она спрашивает, что со мной. Я объясняю и пока-
зываю на Котика. Она снимает свой берет, пальто, накло-
няется над кроваткой и говорит: «Как будешь проходить
мимо моего окошка, стукни и скажи Никанору Ивановичу,
что я в театр не пойду, пусть один идет, а мой билет у
него при входе с руками оторвут. И вали скорей, а то
опоздаешь». Я ничего не говорю, некогда — и бегом с
лестницы.

Утром лечу домой, сама не своя, боюсь даже подумать,

что с Котиком. Вбегаю в комнату и вижу: сидит мой мальчик в кроватке, бледный и даже будто похудевший, но веселый, а Лукиных возится у керосинки. Лицо у нее усталое и под глазами синё, видать, ночь не ложилась, а вся она еще красивее стала, даже бородавка на носу — и та ей к лицу. Увидел меня Котик и кричит: «Мама, какую мне тетя Лена интересную сказку рассказала про хозяйку Малахитовой горы, ты так не умеешь!..»

Бросилась я к тете Лене на шею, целую ее, и смеюсь, и плачу, а она говорит: «Погоди, дурная, ты мне мое парадное, нарядное платье все вымочишь. А с Котиком, будь покойна, кризис прошел; я ведь опытная и трех таких разбойников в люди вывела. А в театр и в другой раз поспею, у меня опять будет выходной, и полгода не пройдет».

Я говорю: «Тетя Лена, чем я тебе отплачу?» А она говорит: «Ну, вот еще, какие там счеты между [redacted]ми, уральскими...»

Подумайте только, такая черствая — и такая... не черствая!

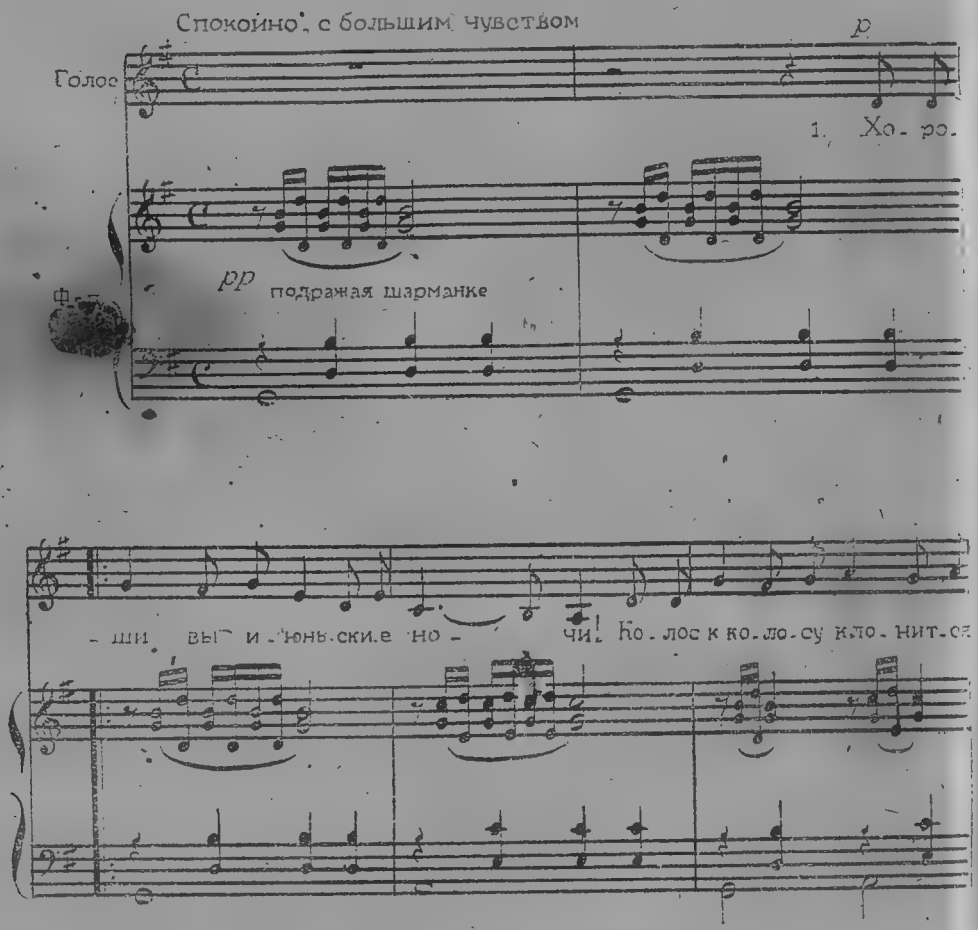
Я вам все это к чему рассказала? К тому, что затрудняюсь я теперь точно сказать про свое постоянное местожительство. Знаю только, что это будет здесь, на Урале. Я мужу так и написала, чтоб скорей добивал Гитлера и, как война кончится, приезжал бы сюда. Уж очень хороший край! А природа красивая! Я видела, когда мы на заготовку дров ездили: леса, скалы, озера. И даже соловей здесь имеется, по-местному называется «варакша». Свистит он маленько похуже нашего курского, но ничего — научится. И народ здесь замечательный: крепкий, с характером, стойкий в бою и на работу злой и вовсе не черствый. А что говор у них с непривычки странноватый, так ведь не важно, как человек говорит, а важно, как он робит. Вот!

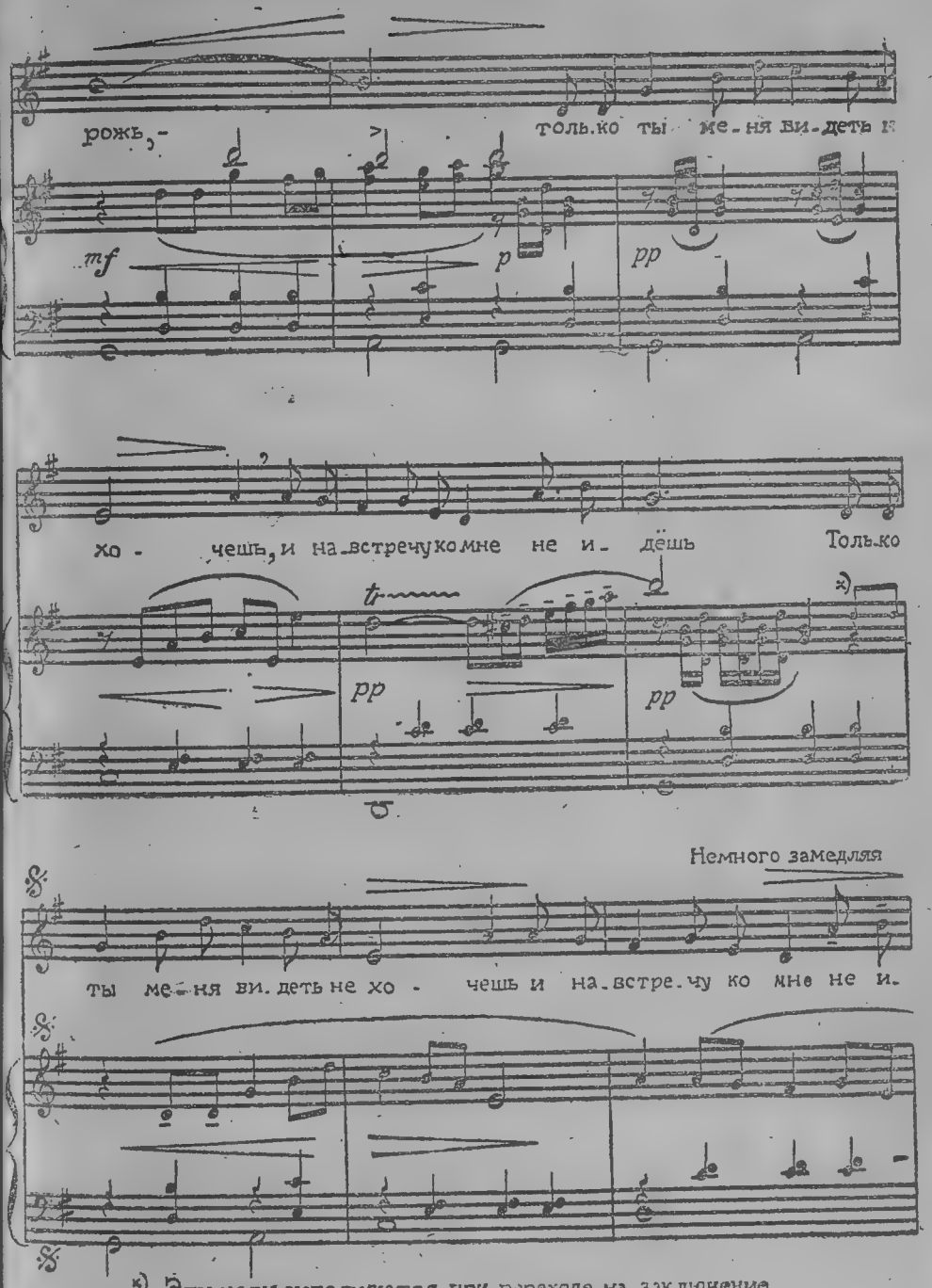
★

Хороши вы, июньские ночи...

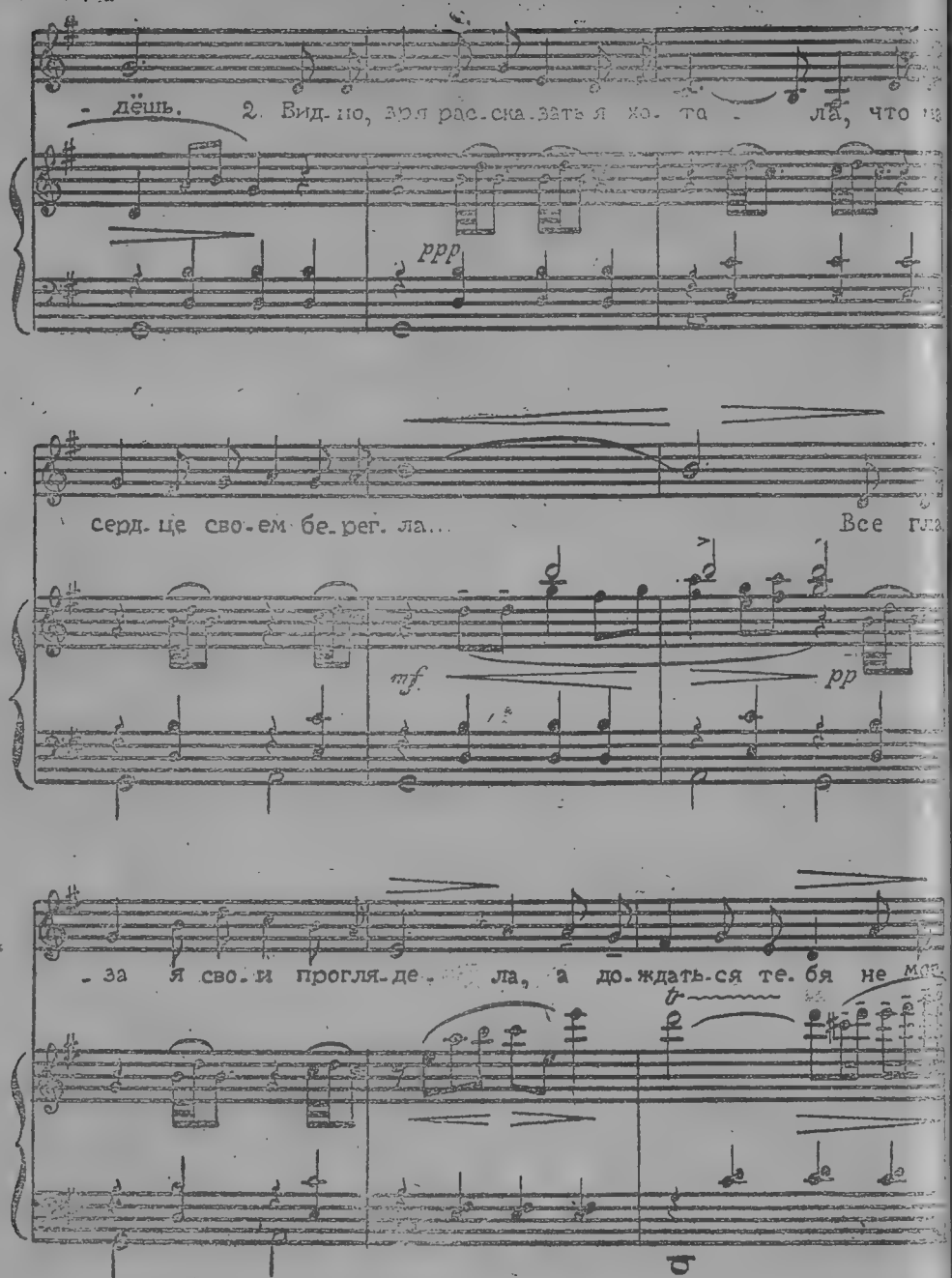
Слова М. ИСАКОВСКОГО

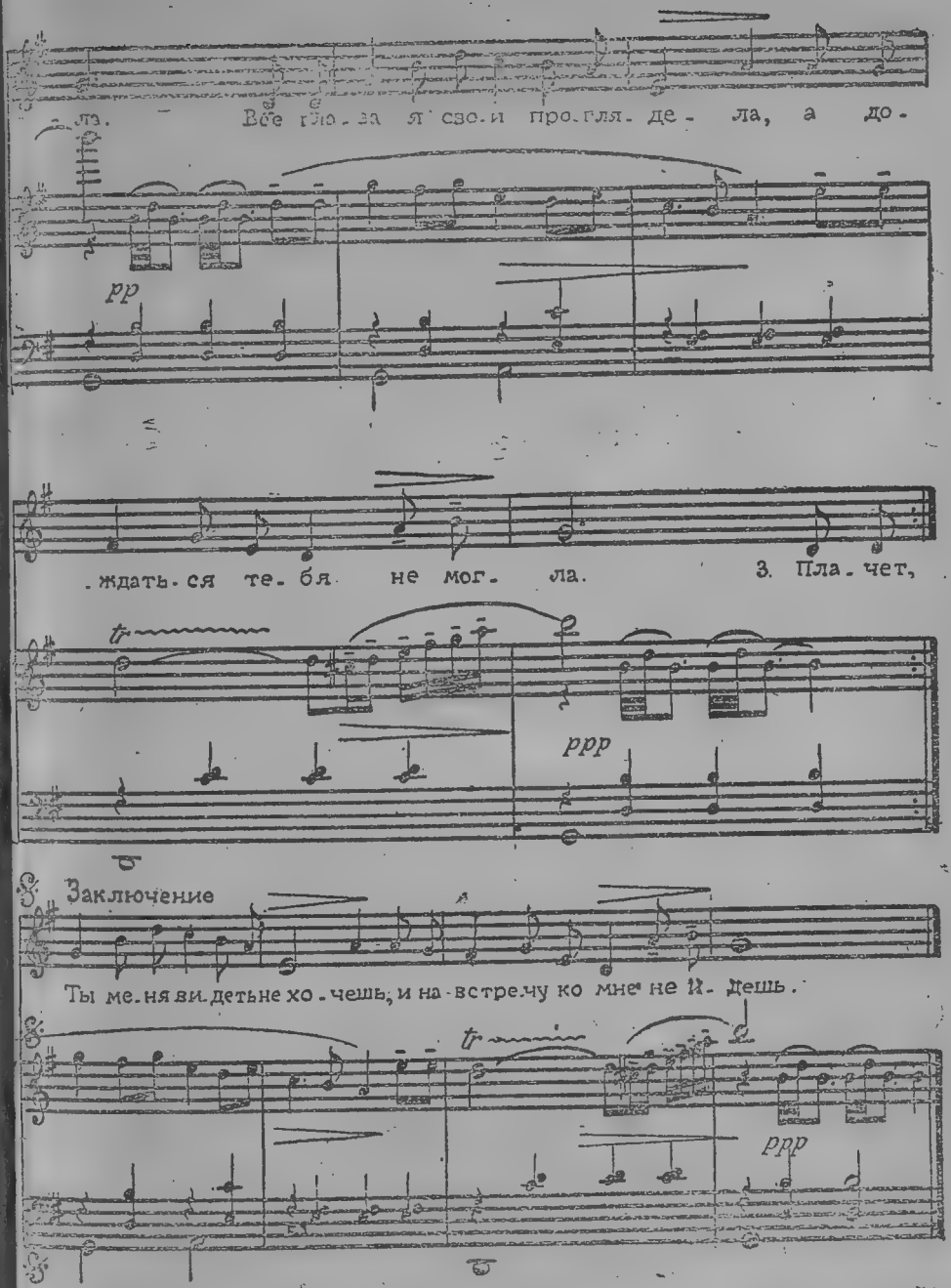
Мелодия народная
обработка И. ШИШОВА





к) Эти ноты исполняются при переходе на заключение


- дёшь. 2. Вид-но, зря рас-ска-зать я хо- та - ла, что
ppp
серд-це сво-ем бе-рег-ла... Все гла
mf
pp
- за я сво-и прогля-де- ла, а до-ждать-ся те-бя не мо



-ла. Все гла-за я сво-и про-гля-де-ла, а до-
pp
-ждать-ся те-бя не мог-ла. 3. Пла-чет,
tr
ppp
Заключение
Ты ме-ня ви-деть не хо-чешь, и на-встре-чу ко мне не и-дешь.
tr
ppp

1. Хороши вы, июньские ночи!
Колос к колосу клонится рожь,—
Только ты меня видеть не хочешь
И навстречу ко мне не идешь. } 2 раза

2. Видно, зря рассказать я хотела,
Что на сердце своем берегла...
Все глаза я свои проглядела,
А дождаться тебя не могла. } 2 раза

3. Плачет, плачет холодной росою
Над любовью моею трава.
Ой, да что же ты сделал со мною,
Удалая твоя голова! } 2 раза

4. Неужели мое девичье счастье
Пронесется, пройдет стороной?
Лучше б нам никогда не встречаться,
Никогда не видаться с тобой. } 2 раза

5. Хороши вы, июньские ночи!
Колос к колосу клонится рожь,—
Только ты меня видеть не хочешь
И навстречу ко мне не идешь. } 2 раза

СЕМЕН КИРСАНОВ

Слово молодежи

Мы — молодежь.
Огнем
и прикладами,
в окопе,
в танке
и на коне —
дорогу к счастью
себе прокладываем
по пояс в воде,
по горло в огне.
Мы — молодежь.
На трудной работе,
в шахте,
у домны,
у верстака —
стоим,
отдавшись
одной заботе:
отливка брони!
Отточка штыка!
Мы начали жизнь
счастливыми днями,
не зная
о смерти и кабале.
Ленина знамя
реет над нами,
у сердца лежит
комсомольский билет.
Легко нам жилось,
свободно работалось,

нас обнял Сталин
руками отца
и к жизни наставил,
и выучил молодость
сражаться за Родину
до конца!
Мы — молодежь.
Среди нас,
подростков,
родился и вырос,
и не умрет —
простой и великий
боец Матросов,
бросивший сердце
на пулемет.
Губами не выдав
немыслимой боли,
в толпе молодых
стоит, как живой,
герой комсомола,
товарищ по школе,
простой и великий
Олег Кошевой.
И даже
с горлом,
петлею зажатым,
над ящиком,
выбитым
из-под ног,
Зоя осталась
нашим вожатым
на перепутьях
многих дорог.
Вынести все —
без признака дрожи,

выстоять
и победить
на века —
это и есть
душа молодежи,
сущность
юноши-большевика.
Когда до конца
«фердинандов»
и «тигров»,
убийц и насильников
мы сковырнем,
все —
и любовь,
и нежность,
и игры
полностью
молодости вернем.
Когда остановится
огненный дождь
и сгинут
фугасные молнии,
нам Родина скажет:
— Моя
молодежь
свое
обещанье исполнила!
Для нас
земля
расцветет вдвойне,
цветы
набухнут медом...
Но мед
отвоевывается в войне.

цветок начинает
расти
в огне,
поддержанный пулеметом!
О нас
Маяковский
стихами бурлил,
предвидя
битвы невиданные:
«Нам пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу,
мир запрокидывая!»
Скажи,
комсомолец:
— Да будет так!
И в битвах
за Родину нашу
добудь
из огня
беспримерных атак
счастья
чудесную чашу.
Вперед,
на штурм
последних крутизн
порывом
сердец
и стали!
В три слова
наша
вложена жизнь:
Победа,
Родина,
Сталин!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Данила Кузьмич

«В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!»

Некрасов

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но все-таки много на свете Смирновых:
Смирновы-врачи и Смирновы-шоферы,
Радисты, артисты, танкисты, шахтеры,
Швецы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы-певцы и портные Смирновы.
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Веселые, мрачные, добрые, злые, —
Смирновы — такие, Смирновы — сякие.

Один из Смирновых попал в эту книжку.
Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой —
Географ ему не поставил кружочка.
В этом городе были: аптека и баня,
Больница, и школа, и парк для гулянья,
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.
Но самое главное в городе этом
Был выросший за год и пущенный летом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из непробиваемой пулями стали
В три смены он делал для танков детали.
И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,

Садился в трамвай и спешил на работу,
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шел по заводу, вдруг слышу: — Здорово!
Вот так в первый раз я услышал Смирнова.
— Здорово! — хотел я кому-то ответить,
Кого не успел еще даже заметить.
— Что ходишь! Что смотришь! — послышалось снова.
И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
Которые людям по сказкам знакомы.
Я помню, что слышал однажды от сына,
Что жил человечек смешной — Буратино,
Которого ловкий топор дровосека
Из чурки простой превратил в человека.
Но в жизни своей не встречал я такого,
Как этот Смирнов, человечка живого!
В большой, не по росту, казенной тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался,
Стоял человечек и мне улыбался.
— Как звать? — я спросил.
— По работе кто знает,—
Ответил малыш,— Кузьмичем называет.
Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич — будет прозвище наше.

— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.
— Четырнадцать минуло двадцать восьмого,—
Сердито ответил он басом солидным
(Должно быть, вопрос показался обидным).
— Да ты не сердись!
— А чего мне сердиться! —

Кузьмич отмахнулся большой рукавицей.
— Таких-то немало у нас на заводе.
И ростом другие поменее вроде!

Мы шли с Кузьмичем корпусами завода.
И нас проверяли у каждого входа,
У каждого выхода нас проверяли,
Мы оба свои пропуска предъявляли.
— Куда мы идем? — я спросил у Смирнова,
Но я из ответа не понял ни слова.
Гудели динамо — жуки заводные,
Шуршали, как змеи, ремни приводные.
И масло машинное ниточкой тонкой
Тянулось без устали над шестеренкой.
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые, стальные блестящие стружки.
И нужные танку стальные детали
Со звоном одна за другой вылетали.
И вот, наконец, мы дошли до плаката:
«Берите пример со Смирнова, ребята!
В тылу не расходится дело со словом.
На фронте танкисты гордятся Смирновым!»

А сам мужичок с ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито.
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом.

Смирнов по-хозяйски зашел за решетку,
Умело взял в руки железную щетку,
Протер этой щеткой поверхность металла,
Как зеркало, сразу она засияла.
— Включайте рубильник. Готово!
— Готово!

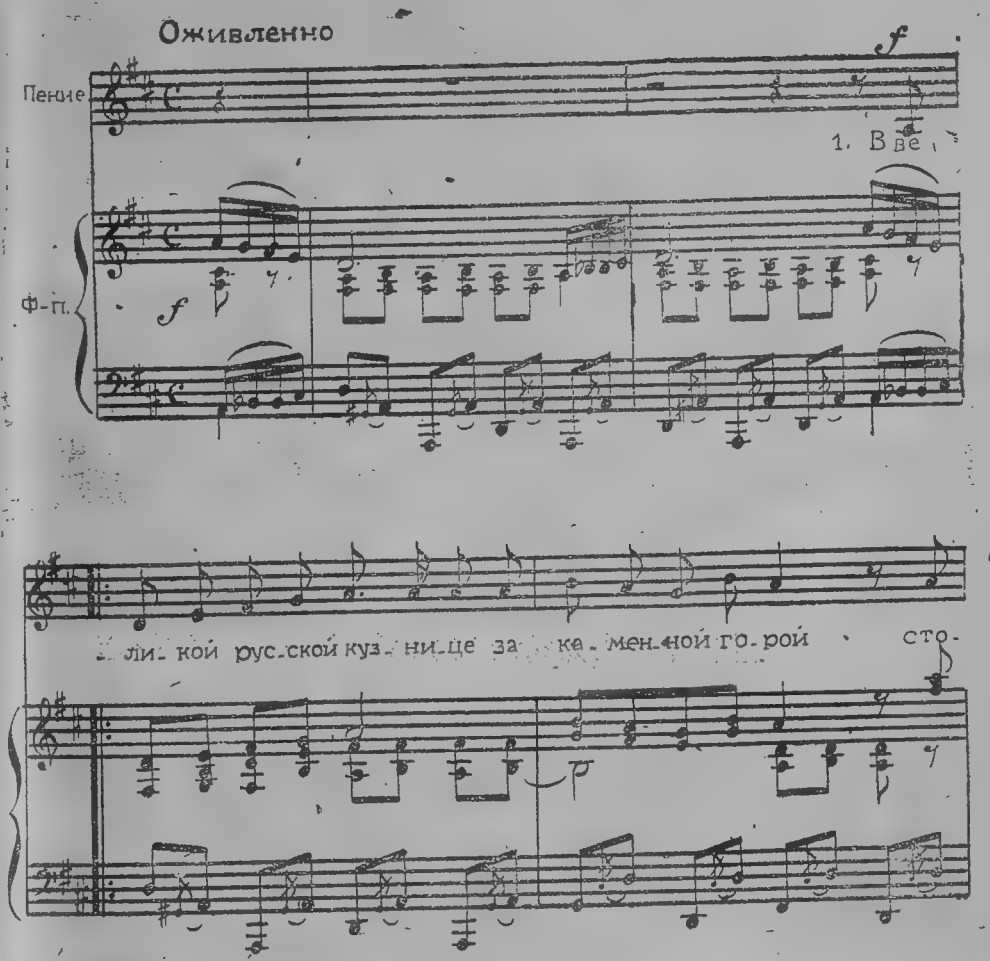
И я за работой увидел Смирнова.
И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины.
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.

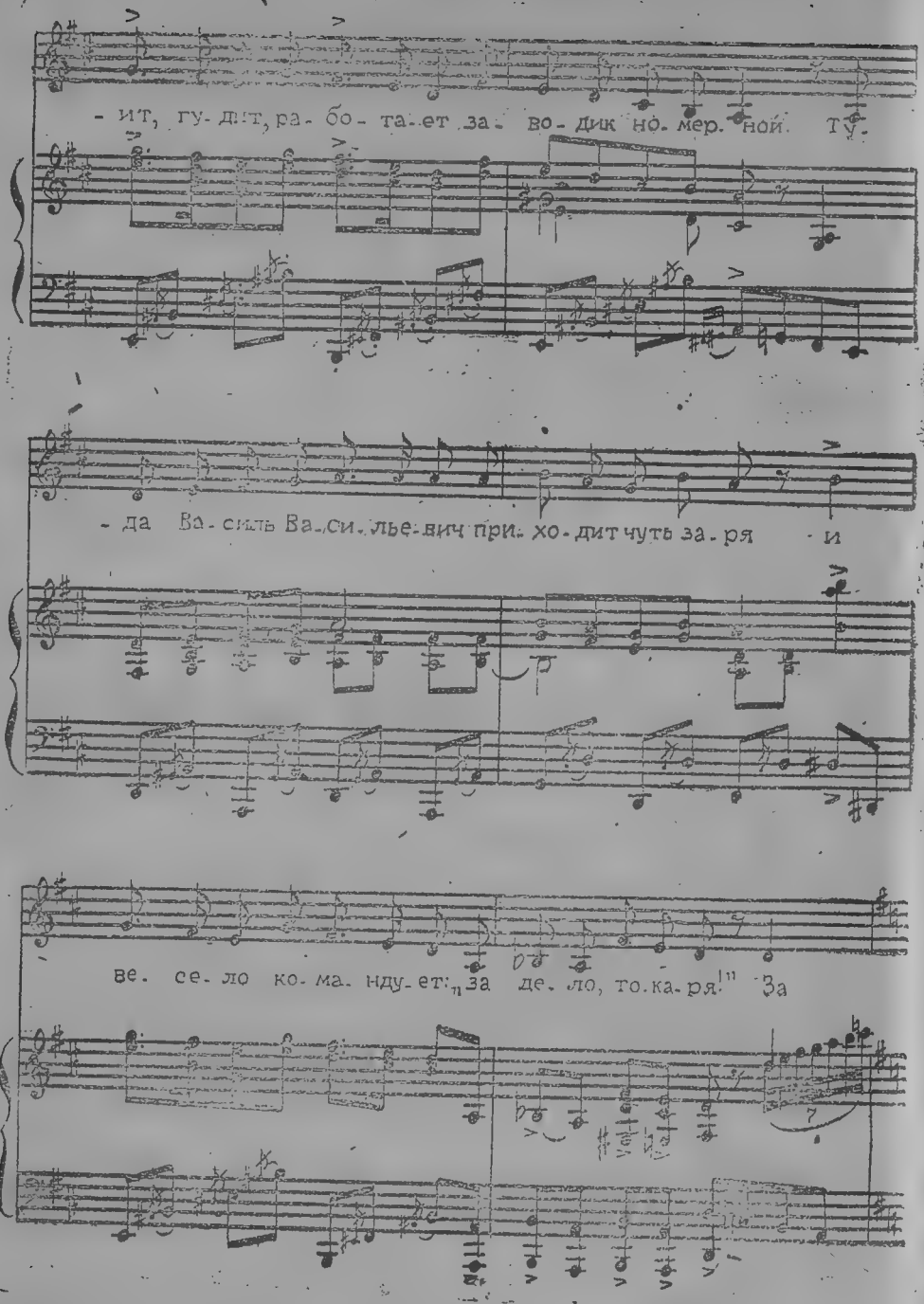
Прославим же юного мастерового —
Ткача, маляра, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и столяра:
Даниле Смирнову и прочим — «Ура!»

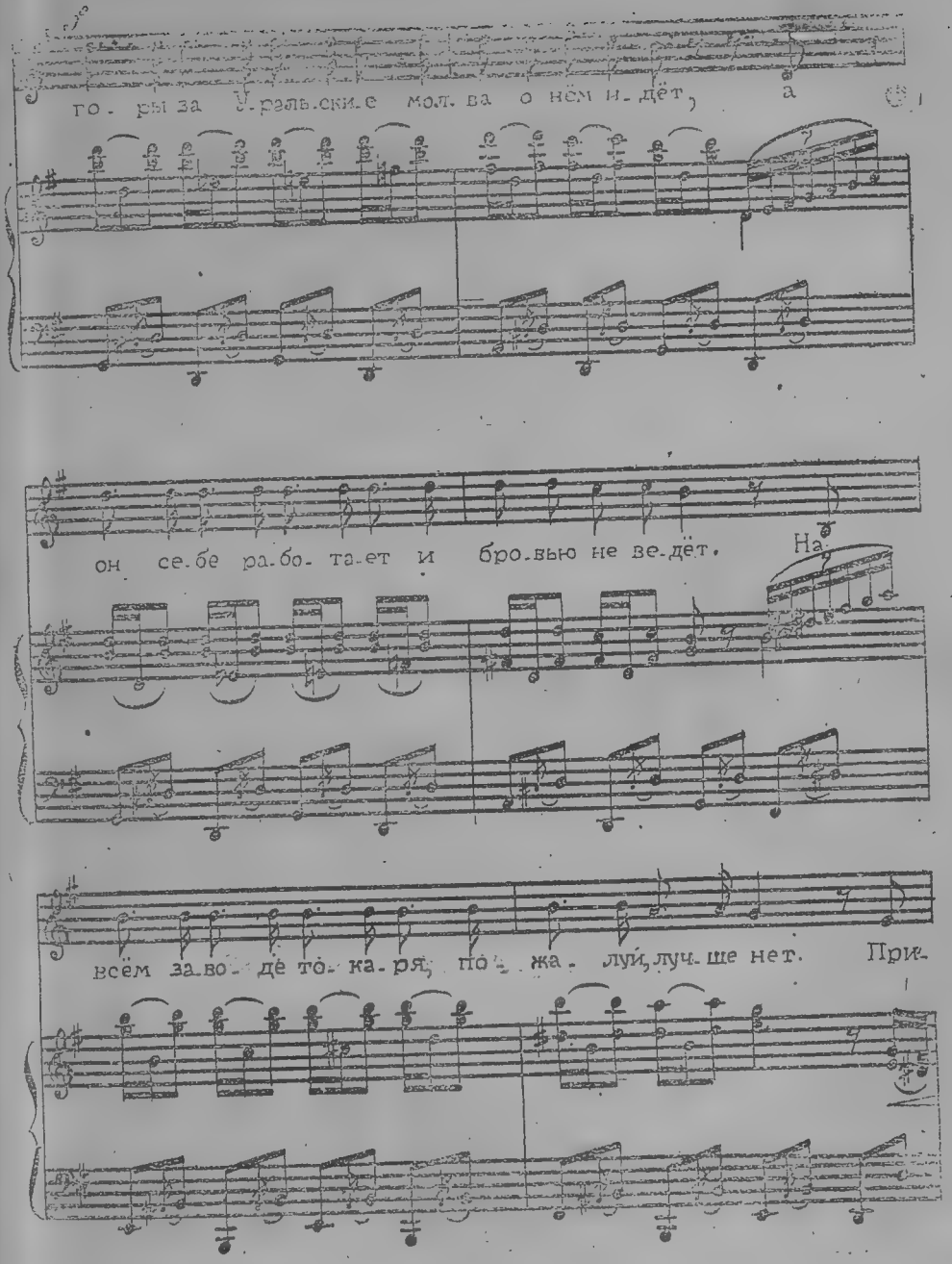
★

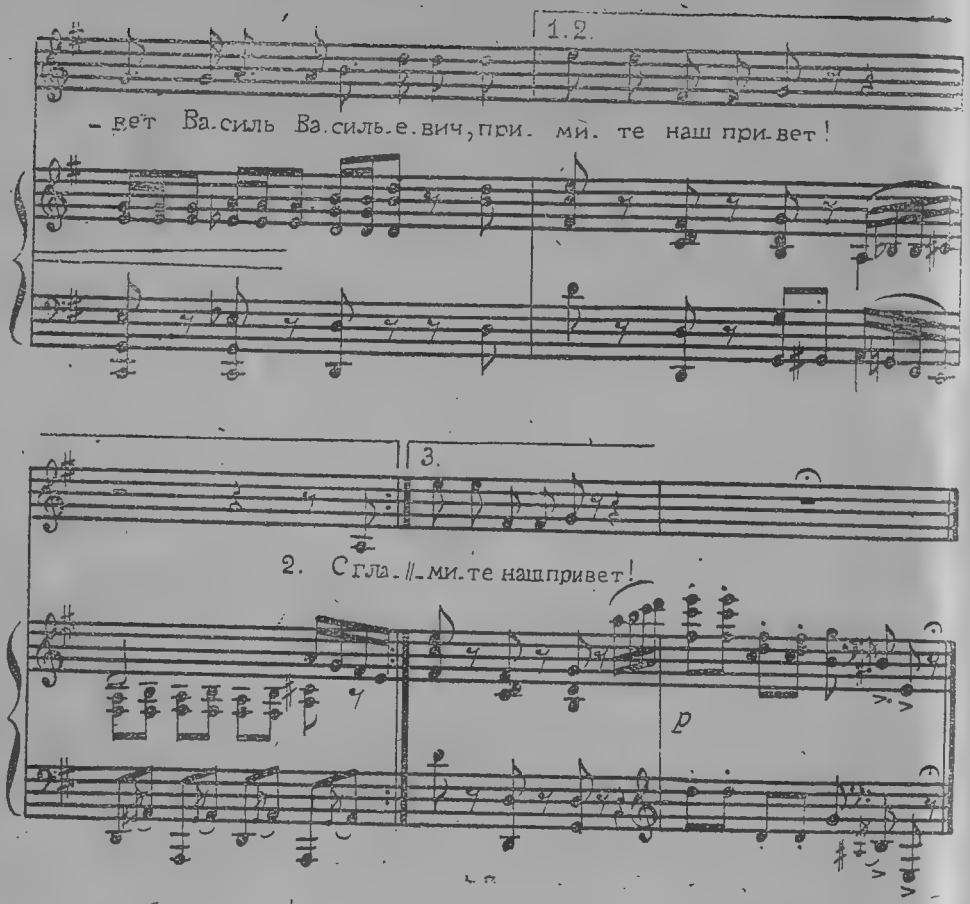
Василий Васильевич

Слова Б. ЛАСКИНА Музыка Н. БОГОСЛОВСКОГО




- ит, гу- дит, ра- бо- та- ет за- во- дик но- мер- ной ту-
- да Ва- силь Ва- си- лье- вич при- хо- дит чуть за- ря - и
ве- се- ло ко- ма- нду- ет: за де- ло, то- ка- ря!" За


то. ры за Уральские мол. ва о нём и. дёт,
а
он се. бе ра. бо. та. ет и бро. вью не ве. дёт.
На
всём за. во. де то. ка. ря, по. жа. луй, луч. ше нет.
При.


1.2.
– вет Ва.силь Ва.силь.е.вич, при. ми. те наш при.вет!
3.
2. С гла.ш.ми.те наш привет!
p

1. В великой русской кузнице,
За каменной горой
Стоит, гудит, работает
Заводик номерной.
Туда Василь Васильевич
Приходит чуть заря
И весело командует:
«За дело, токаря!»

Припев:

За горы за Уральские
Молва о нем идет,
А он себе работает
И бровью не ведет.
На всем заводе токаря,
Пожалуй, лучше нет.
Привет, Василь Васильевич,
Примите наш привет!

2. С глазами светлосерыми,
С курчавой головой
Работает, старается
Гвардеец тыловой.
Фотографы газетные
Бегут его снимать.
Никто Василь Васильича
Не может обогнать!

Припев.

3. В минуту получается
Готовая деталь.
На грудь ему повешена
Отличная медаль.

Девчата им любуются,
Подходят и молчат,
А он и не оглянется,
Не смотрит на девчат.

Припев:

За горы за Уральские
Молва о нем идет,
А он себе работает
И бровью не ведет.
Василию Васильичу
Всего пятнадцать лет,
Привет, Василь Васильевич,
Примите наш привет!

★

М. ИСАКОВСКИЙ

У нас в поселке

(Песня)

Живет у нас в поселке,
У заводских прудов,
Живет один парнишка
Семнадцати годов.

У этого парнишки
На пиджаке медаль,
От этого парнишки
Пошла моя печаль.

Идет ли он с работы,
Гуляет ли в саду,
Ни разу не заметит,
Что я кого-то жду.

Видать, парнишка мною
Не дорожит ничуть,
Хотя бы оглянулся,
Сказал бы что-нибудь.

Но он проходит мимо,
А я молчу, терплю.
Не знаешь ты, парнишка,
Как я тебя люблю.

★

ВЛ. СУХОДОЛЬСКИЙ

Горняцкий сын

(Драматическая новелла в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

София — мать.
Сашко — сын.
Ольга — девушка, 17 лет.

Действие происходит в горняцком поселке в Донбассе в 1943 году. Комната. Прямо — наружная дверь, направо — в кухню. На этой двери висит коленкоровая занавеска. Когда-то она была голубой. Поколения горняков обживали старое жилище. Разностильная мебель говорит о несходных вкусах обитателей квартиры. В комнате никого нет. Вдруг распахивается наружная дверь. Входит София, торопливо закрывая за собою дверь на засов. Некоторое время она стоит около дверей, напряженно прислушиваясь. Пауза. Тишина.

София *(облегченно)*. Миновали... Не зашли. Миновали... *(Прислушиваясь.)* Кажись, свернули в переулок... Уже и шагов не слышно. *(Прислушиваясь.)* Да, не слышно... *(Отходит от дверей, опускается на стул, задумывается.)*

За окнами хмурый, осенний день. Изредка сквозь разрывы лохматых туч пробивается теплый луч солнца и, падая через окно, серебрит голову Софии. Она задумчиво и тихо говорит сама с собою: это ее неотступные думы.

Ох, какая же я теперь одинешенькая... Одна осталась... Как желтый лист при дороге... Где ты, Демид Петрович, муж мой любимый? Повесили тебя лютые вороги. Упокой, господи, душу раба твоего Демида и помоги нам немчуру проклятую покарать... Где ты, Григорий, мой старший сын? На фронте воюешь. А где — не знаю. А только знаю, где бы ты ни был, бьешь погань немецкую без устали... Где ты, мой средненький сынок Николка? С партизанами бушуешь, и слава о тебе, как гром, гремит на весь Донбасс... Где ты, дочь моя единственная, Варвара?.. Забрали тебя лихие людоловы, и весточки о тебе нету. Освободят тебя братья твои из тяжкой неволи, освободят... Где ты, мой меньшенький, пестунчик мой Сашко?.. И ты ушел на войну... Такой ты еще маленький, такой слабенький да хилый... И твое не стерпело сердце,— ушел. Осталась я, старая мать, одинешенькой, как желтый лист при дороге... Нет, я не плачу, не жалуюсь... Я только хочу увидеть детей моих...

Пауза. Стук в наружную дверь. София оглянулась, выжидает. Стук повторяется.

Кто там?... *(Идет к двери.)* Сашко!.. *(Схватилась за сердце. Руки ее дрожат, и она никак не может отодвинуть засов с двери.)* Господи, боже мой... *(Открыла.)*

На пороге — Сашко.

Сашко. Здравствуйте, мама!

София *(не отрывая от него глаз)*. Сашко!..

Сашко *(делает шаг в комнату)*. Будто не узнали...

София *(бросается к нему, обнимает, плача и смеясь*

одновременно, бессвязно шепчет). Сашко, дитятко мое... Сыночек мой милый... Все думала о тебе, вспоминала... Чуяло сердце... Когда же ты приехал?

Сашко *(уклончиво).* Да... вот приехал...

София *(вдруг отступает на шаг и смотрит на него).* Постой... Что-то я не понимаю... Разве наша армия опять к нам вернулась? Разве немцев уже нет в нашем поселке?

Сашко. Нет, мама, фронт еще далеко от поселка, и немцы еще держатся.

София. Так почему же ты здесь?

Сашко. Вы как будто не рады...

София. Еще не знаю, радоваться мне или плакать. Говори, как ты здесь очутился?

Сашко. Тайком добрался...

София. Зачем?

Сашко. Повидаться. На родной угол глянуть захотелось.

София *(строго).* Говори правду, как на духу. Матери не обманешь. Смотри мне в глаза.

Сашко. Не боюсь смотреть вам в глаза.

София. Скажи... Скажи, как на духу, честно ли ты поступаешь? Не будет ли от тебя позора нашему роду? Больше ни о чем тебя не спрашиваю.

Сашко. Я честно поступаю, мама. Не будет от меня позора нашему роду.

София. Зачем же ты пришел?

Сашко *(после паузы).* Разведать пришел. Про немцев узнать.

София. Вот по какому делу?

Сашко. Да, по этому делу.

София. Ты у меня спроси. Не напрасно еще видят мои старые глаза. Насмотрелась... Каждую каплю крови наших людей держу в памяти. Ничего не забыла. Каждую петлю на повешенных помню... И отца твоего Демида, как живого, вижу. Вечная память ему...

Сашко. Мама, я знаю про отца.

София. Знаешь? Тогда ты должен знать, что тебе делать.

Сашко. Я знаю, мама.

София *(после короткого молчания)*. Шахту «Софию» хотят пустить. Уже месяц возятся с ней. Сегодня к ним большое начальство на шахту приехало. Праздник устраивают, чтоб их всех там в шахте завалило!..

Сашко *(убежденно)*. Завалит.

София. И я так думаю, сынок. Не должна принять наша шахта врагов наших, грабителей, палачей проклятых... *(После паузы.)* Твой дед работал на этой шахте. Когда я родилась, в честь этой шахты и меня назвали Софией... Твой отец работал на этой шахте и братья твои... И когда узнала я, что шахту «Софию» хотят немцы заставить им служить, то показалось мне, будто надо мною они хотят надругаться...

Сашко. Не будет этого, мама. Не будет!

София. Не будет, говоришь? А кто им запретит? Хозяйничают чужаки ненавистные на нашей земле, потому их сила, а наше тяжкое горе. *(Смотрит на сына, порывисто обнимает и прижимает его к своей груди.)* Сыночек мой, дитятко мое слабое, какой же ты измученный и худенький... *(Срываясь с места.)* Наверное, голодный, а я тебе до сих пор и поесть не дала... *(Засуетилась.)* Сейчас я тебя накормлю... *(В отчаянии опускает руки.)* А в доме-то ничего нет...

Сашко. Не беспокойтесь, мама. Я не хочу есть.

София. Нет, нет, я сейчас что-нибудь найду. Найду... Я тебя накормлю... *(Торопливо уходит на кухню.)*

Сашко *(окидывая взглядом стены родной хаты)*. Прощайте...

Скрипнула наружная дверь. Сашко испуганно оборачивается. Входит Ольга.

(Взволнованно.) Уже? Пора?

Ольга (*отрицательно качает головой*). Нет еще. Я немного раньше пришла... Дома никого нет?

Сашко (*глядя в сторону кухни*). Мама там хлопочет...

Ольга. Сказал ей?

Сашко. Нет, всей правды не сказал. Не смог. Сказал, что пришел о немцах разведать... Мама думает, что я с фронта пришел. Она не знает, что я тут оставался.

Чуть заметно колыхнулась занавеска на двери в кухню. На пороге показалась София; она хотела войти в комнату, но вдруг остановилась и замерла. Услышанный разговор приковал ее к месту. Сашко и Ольга не замечают Софию.

Мама мне сказала, что немцы хотят сегодня шахту пустить...

Ольга. Ты себя не выдал?

Сашко. Нет... Мама все допытывалась, зачем я пришел... Такая она старенькая, слабенькая и все допытывалась, честно ли я поступил, что пришел... Гладит меня по голове, а руки у нее в мозолях, натруженные... (*Стараясь скрыть волнение, смотрит в окно.*) Кажется, дождь пошел?

Ольга (*растерянно*). Дождь?.. Нет... Показалось. Дождя нет. Облачно, правда, но дождя нет... (*После паузы.*) Может, не нужно было тебе заходить домой...

Сашко (*вспыхнув*). Скажешь, не нужно, да?

Ольга. А если мама сердцем правду почует? Если будет молить тебя не итти на это дело?.. На верную смерть не итти.

Откинутый край занавески дает возможность видеть лицо Софии, застывший в безумной напряженности взгляд, с каким она, затаив дыхание, смотрит на сына.

Сашко. Нет, она не должна знать... А потом... Ты, Оля, зайди к ней после... Иногда переночуй здесь... Ей будет легче. Мама сейчас такая одинокая, никого с ней не осталось.

Ольга. Я буду навещать ее. Даю слово... *(После паузы.)* А может быть, тебе удастся вырваться оттуда до взрыва? *(Смотрит на него.)* Скажи, разве это совершенно невозможно?

Сашко *(уклончиво)*. Видишь ли, Оля, я хочу действовать наверняка, а потому... *(Торопливо.)* Впрочем, возможно. Да, да, возможно... Но ты не думай обо мне. Не нужно...

Ольга *(с тоской)*. Почему именно ты должен погибнуть? Ты в нашей организации самый молодой... Кучер хотел спуститься в шахту... И Костя просился...

Сашко. Я лучше всех остальных знаю забои; я шахту знаю, как свою ладонь. Знаю, где подорвать лаву. Я должен выполнить это дело. Незачем опять говорить об этом. Ты что, сомневаешься во мне? Не веришь?

Ольга. Нет. Я знаю, ты сделаешь все, как нужно... Я не об этом... Не смотри на меня так... Думаешь, плачу? Нет, нет... Это так. Не думай, что я какая-то истеричка.

Сашко *(гладит ее руки)*. Какая же ты истеричка? У тебя твердый характер. Ты не заплачешь... Конечно, нервы у всякого... Но у нас есть выдержка. Правда?

Ольга. Да. *(Подавляя слезы.)* Я хотела только сказать, что никогда тебя, Сашко, не забудут. Никогда.

Сашко *(неожиданно)*. Хочешь, я подарю тебе на память свой перочинный ножик? Хороший ножик.

Ольга. Ножик? Зачем? Что тебе пришло в голову? Ты так любил этот свой ножик...

Сашко *(тихо)*. Он мне больше не пригодится.

Ольга *(не выдержав, со стоном)*. Сашко...

Сашко. Возьми, Оля. Возьми.

Ольга *(сжала в руке ножик)*. Спасибо. *(В бессилии сказать еще что-нибудь.)* Спасибо...

Пауза.

Сашко. Долго еще ждать?

Ольга. Нет, вероятно, скоро. Они уже приготовились к спуску в шахту. Ждут своего группенфюрера... Вася постучит в окно, когда все будет готово. Он передаст тебе мину...

Сашко. Ладно. Обождем. Посидим немного молча...

Ольга. Я только хочу сказать, что абсолютно уверена в успехе. Дай руку. *(Крепко пожимает.)* Абсолютно уверена.

Сашко. И я уверен. Мы крепко нацелились...

Непродолжительное молчание. Сашко задумчиво смотрит в окно. Ольга безотчетно устремила свой взгляд туда же.

Досадно только, что я так и не узнаю, когда закончится война. Не увижу, как немцы будут удирать с нашей земли...

Ольга *(прерывающимся от мучительного волнения голосом)*. Не говори этого, Сашко. Не говори...

София обхватила обеими руками шею: спазмы душат ее. Она закрывает ладонью рот, чтобы не крикнуть. Глухой, неясный стон матери заставляет Ольгу и Сашко одновременно вздрогнуть и оглянуться. Но София успевает опустить занавеску, и они и не знают, что творится за этим полинялым куском ситца.

Сашко *(встревоженно)*. Мне показалось, что мама...

Ольга. Но мы разговаривали тихо...

Сашко. Впрочем, она на кухне... Когда я уйду, ты останься с нею. Хорошо?

Ольга. Хорошо.

Сашко *(настойчиво)*. Даешь слово?

Ольга. Да.

Сашко. Ну, вот и все...

Стук в окно.

Ольга. Это Вася. *(Смотрит на Сашко.)* Вася пришел за тобой.

Сашко *(поднимаясь)*. Значит, пора... Я готов. *(Оль-*

ге.) Скажешь маме, что меня позвали... Что я скоро вернусь... А потом уж скажешь обо всем. Найди такие слова...

Ольга *(молча кивает головою).* Да... да...

Сашко. Поцелуемся, Оля.

Целуются.

Ольга *(дрожа от подавленных рыданий).* Я провожу тебя хотя бы на порог хаты... Я только посмотрю тебе вслед...

Стук в окно повторяется.

Сашко. Иду. *(Бросая печальный взгляд на комнату.)* Прощай, мама. Прощай, моя мамочка...

Быстро выходят. В то же мгновение, порывистым движением откинув занавеску, в комнату вбегает София.

София *(исступленно).* Сашко, Сашко!.. Я поцелую тебя в последний раз. Обожди, Сашко... *(Бросилась к двери, но вдруг остановилась, обернулась и медленно сделала несколько бесцельных шагов по комнате.)* Нет. Нет... Не зови его, мать. Не зови. Не лишай его сил своею жалостью... Прости меня, сынок, что я не остановила тебя. Пусть идет. Так нужно. Сожми свое сердце, молчи и считай его последние минуты. *(Медленно считает.)* Одна... две... три...

В комнату возвращается Ольга. Не зная, что сказать, она молча смотрит на Софию, продолжающую считать.

Четыре... пять... шесть...

Ольга. Здравствуйте, София Ивановна.

София *(как в забытьи).* Семь, восемь, девять...

Ольга *(нерешительно).* Сашко просил передать...

София. Молчи. Все знаю. Я благословила его... Молчи... И десять, одиннадцать...

Ольга. Я останусь с вами. Можно?

София. Не нужно, девушка. Ступай себе. Я хочу остаться одна.

Ольга. Может быть, легче вам будет, если вдвоем?..

София. Я не ищу облегчения. Не мешай мне быть вдвоем с сыном в трудные его минуты. Прости, девушка.. Оставь меня одну.

Ольга (*колеблясь*). Я не могу оставить вас. Он меня просил...

София. Иди, девушка, говорю. Иди и плачь, если есть слезы... Если их нет, мозг начинает гореть. (*Почти с криком.*) Мозг начинает гореть, и можно сойти с ума.. (*Стиснув голову руками, пристально смотрит куда-то вдаль, словно перед нею нет стен.*)

Ольга (*шопотом*). Я потом приду... Немного погодя приду...

София молчит. Ольга, немного обождав, бесшумно выходит.

София (*некоторое время стоит в глубокой задумчивости, затем вдруг, встрепенувшись, поднимает голову.*) Не поживятся враги нашим добром, трудами нашими. Нет, не поживятся!.. Совершит Сашко свое праведное дело. Совершит!.. (*Обессиленно опускается на стул.*)

Луч солнца серебрит всклокоченные седины матери. Пауза. Тишина. Раздается глухой взрыв, потом доносится раскатистый гул. словно по чугунным ступеням покатилась железная бочка. В хате задребезжали стекла, зазвенела посуда на полке, и сразу же после этого наступила полная тишина.

София медленно поднимается. Сейчас она выглядит еще более постаревшей, изможденной и беспомощной. Некоторое время она стоит молча, с опущенной головой, затем выпрямляется и, прижав руки к груди, говорит громко и раздельно:

Свершилось. Так нужно... Не опозорил сынок мой шахтерского рода!.. (*Торжественно.*) Вечная слава тебе, горняцкий сын Александр!..

Луч солнца озаряет ее высоко поднятую голову.

ЗАНАВЕС

СЕМЕН КИРСАНОВ

Слава сынам комсомола!

Ты видишь,
товарищ,
дела краснодонцев
Чуть свет
озаряются
славы лучами.
В глубоких потемках
советское солнце
за их молодыми
стояло плечами.
За счастье Донбасса
они выносили
и голод, и пытку,
и стужу, и муку,
и приговор немцам
они выносили
и опускали
суровую руку.
Ни скрежетом пыток,
ни хитростью сыска
сломить комсомольцев
враги
не сумели!
Во тьме возникала
бессмертная искра,
и взрывы
опять
по Донбассу гремели.
И с жизнью
бесстрашно
они расставались,

они умирали
с простыми словами,
в глубоком подполье
они оставались
плененного города
хозяевами.
Никто не видал
их огня и ночлега
в угрюмых потемках
немецкого тыла,
Но подвиг Ульяны,
геройство Олега
Увидела Родина
и осветила.
Ты видишь,
товарищ,
дела краснодонцев,
они
никогда
не забудутся нами,
бессмертная слава,
как вечное солнце,
восходит,
сияя,
над их именами.

★

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Змеиная природа

(Басня)

...Лучшая змея,
По мне, ни к чорту не годится.

И. А. Крылов

Стрелок был в сапогах добротных,
Охотничьих, подкованных и плотных.
Он придавил змею железным каблуком.
Взмолилася змея перед стрелком:
— Не разлучай меня со светом!
Я натворила много зла.
Винюсь и ставлю крест на этом!
Есть змеи подлые. Я не из их числа.
Я буду, позабыв, что значит слово «злоба»,
Великодушие твое ценить до гроба.
Вот доказательство: два зуба у меня,
В обоих яд, их все боятся, как огня.
Ты можешь выкрушить мне оба!
— Умильны,— отвечал стрелок,—слова твои,
Но только тот от них растает,
Природы кто твоей не знает:
Коль не добить зубов лишившейся змеи,
Пасть снова у нее зубами зарастает!
Еще не наступили дни,
Но все мы знаем, что они
Не за горою,
Когда, прижатая железным каблуком,
Прикинувшись чуть не родной сестрою,
Фашистская змея затреплет языком:
— Клянусь, я жизнь свою по-новому устрою,
Ребенку малому не причиню вреда.
Россия!.. Господи, да чтобы я когда...

Я горько плакала порою,
Все мной сожженные припомнив города!
Я каюсь и в своем раскаяньи тверда! —
Да мало ли чего еще змея наскажет,
Но зубы вырастут, она их вновь покажет,
Все покаянные свои забыв слова.
Змеиная природа такова!
Змея, раскаявшись наружно,
Не станет жить с одной травы.
Лишить ее, конечно, нужно,
Но не зубов, а — головы!

*

Беседу про Донбасс ведет шахтер Тарас

I

Здорово, друзья донецкие, горняки советские! Горячо приветствует вас старый шахтер Тарас. Я из шахтеров, как говорится, матерых,— на работе ли, на досуге ли, слова рубаю, как уголь.

Дымок наверху пускаю колечком, не лезу в карман за словечком, все на сивый ус наматываю — по заслугам хвалю, поделом прохватываю.

Стало быть, братцы, вот какие дела: вымели мы из Донбасса немецкую нечисть дотла. Что натворили мерзавцы, видали вы сами своими глазами. Недалек день — придет фашистам капут, ответ за все бандиты дадут.

А теперь Родины слушай наказ:

— Быстрее возродить Донбасс!

Горнякам неподстать от других отставать: донбасский шахтер издавна привык работать исправно, без заковык.

Шахтеры! Теснее ряды! Первое дело — откачка воды. Это ясно, как обушок, это поймет и тот, у кого на губе пушок.

Однако кой-где имеются медлители, волынки любители. У них другое мнение на этот счет: дескать, вода сама собою утечет. Я всю эту породу мигом выведу на чистую воду. Никакой потачки любителям раскачки: всё для откачки!..

Поворачиваться надо живым манером. Был я, братцы, пенсионером, однако, сдал я книжку пенсионную и привел причину резонную:

— Извиняюсь, я мохом еще не оброс, с сего числа становлюсь за насос: уж я, друзья любезные, чаю, на откачке воды не подкачаю, поспорю с любым безусым тезкою, научу молодых, передам сноровку шахтерскую.

Блеснем, браточки, крепкой донбасской шахтерской закваской!

За дело, стахановские вахты! Быстрей восстанавливайте дружной колонною шахты — вертикальные и наклонные. Приналяжем, поднажмем — и ночью и днем,— чтобы по стране вдоль и поперек пошел донецкий уголек!

На этом кончаю свой первый сказ.

Уважающий вас

шахтер Тарас.

★

В. ГРАНОВ

Частушки

Петя в утреннюю пору
Уложил фашистов гору.
Маша выдала вчера
Триста с лишним на-гора́.

«Здравствуй, милый друг Афонин!
Мы на Запад немцев гоним.
Завершив победой бой,
Шлем привет тебе в забой!»

Вот Афонин отвечает,
Пишет он фронтовику:
«Я, дружок, не подкачаю —
Углем фрицев допеку!»

Катя пишет: «Дорогой!
Вестью радостной с тобой
Поделиться хочется:
Я теперь проходчица!»

Я письмо послала Вите:
«Вы по фронту объявите:
Завтра утренней порой
Наша шахта входит в строй!»

Слава ходит о Семене;
Говорят не зря о нем,
Что в работе на уклоне
У него большой подъем!

Шахтерские частушки

Угля больше дать нам нужно
По-стахановски и дружно!
Чтобы Сталин нам сказал:
«Горняки, спасибо вам!»

И рукам не стало тяжко,
И сердечку вольно,
Когда в шахте зашумел
Молоток отбойный.

Я — стахановка, на шахте
Все берут с меня пример.
Была девушка-шахтерка,
Теперь стала инженер.

Я работала в колхозе,
А теперь оставила:
В шахту с радостью пришла
По призыву Сталина.

Мой миленочек речист,
Мне давно уж нравится.
Он, как лучший машинист,
По всей шахте славится.

Настал час с тобой проститься —
На работу мне пора,
Нужно в шахту мне спуститься,
Давать уголь на-гора.

★

ИСТОРИЧЕСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

М. Исаковский — Слава Родине. ГУРК № 1253/44 3
Россия. Слова *Вас. Лебедева-Кумача*, музыка *Н. Богословского*. ГУРК 1254/44 4
Вера Инбер — Красной Армии. ГУРК № 1255/44. 6
Бор. Палийчук — Шаги победы. ГУРК № 1256/45. 7
Вас. Лебедев-Кумач—Привет тебе, Донбасс! ГУРК № 1154/44. . 9
Анатолий Кудрейко — Ветает Донбасс. ГУРК № 1156/44 . 10
Павел Беспощадный — Родному краю. ГУРК № 1155/44. . . 11
Борис Горбатов — Год спустя. ГУРК № 1157/44. 12
Наша песня. Слова *Вас. Хмара*, музыка *Л. Бакалова*. ГУРК № 552/44 18
З. Кац и М. Талановский. Письмо родному краю. ГУРК № 1159/44 24
Антон Пришелец — Лучше всех! ГУРК № 1160/44. 25
Н. Свирченко — Шахта «Мария». ГУРК № 1161/44. 26
Евгений Горбань — Родному Донбассу. ГУРК № 1162/44. . . 32
Леонид Жариков — Коногон Гришечко. ГУРК № 1163/44 . 36
Виктор Типот — «Черствая баба». ГУРК № 1257/44. . . . 42
Хороши вы, июньские ночи... Слова *М. Исаковского*. Мелодия народная, обработка *И. Шишова*. ГУРК № 1258/44. . . 48
Семен Кирсанов — Слово молодежи. ГУРК № 1259/44. . . . 53
Сергей Михалков — Данила Кузьмич. ГУРК № 1260/44. . . . 57
Василий Васильевич. Слова *Б. Ласкина*, музыка *Н. Богословского*. ГУРК № 1261/44. 61
М. Исаковский — У нас в поселке. ГУРК № 1262/44. 66
Вл. Суходольский — Горняцкий сын. ГУРК № 1171/44. . . 67
Семен Кирсанов — Слава сынам комсомола! ГУРК № 1165/44. . 76
Демьян Бедный — Змеиная природа. ГУРК № 1263/44 . 78
Беседу про Донбасс ведет шахтер Тарас. ГУРК № 1168/44 . 79
В. Гранов — Частушки. ГУРК № 1169/44. 80
Шахтерские частушки. ГУРК № 1170/44 81

Редактор С. Колляджин
Музыкальный редактор М. Иорданский

А—14730. Подписано в печ. 25/I 1945 г.
Кол. печ. л. 2⅝. Уч.-изд. л. 3,43. Зн. в 1 печ. л. 52266. Тираж 5000.
„Искусство" № 2813
Цена 4 руб.

Тип. „Красный печатник" Гос. изд-ва „Искусство", Москва, ул. 25 Октября, дом 5. Зак 1937.

4 руб.